

НАТАЛЬЯ КРИММЕР

Обаяние
объекта

Наталья Криммер
Обаяние объекта

«Издательские решения»

Криммер Н.

Обаяние объекта / Н. Криммер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859666-7

Как трудно не попасть под обаяние объекта, и как иногда хочется под него попасть. Даже если не должна. Даже если себе не принадлежишь. Даже если ведёшь журналистское расследование, вынуждена скрываться под чужим именем, жить не своей жизнью и играть новую для себя роль. Героине кажется, что из сложившихся обстоятельств нет выхода. Но выход есть. Его укажет сама ЛЮБОВЬ и выведет на единственно правильную дорогу. И пусть в жизни хотя бы раз каждому доведётся попасть под ОБАЯНИЕ ОБЪЕКТА.

ISBN 978-5-44-859666-7

© Криммер Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. О любимой работе. «Счастливой» семейной жизни. И о лучшем друге	6
Глава 2. О семье и о безразличии	9
Глава 3. Выход есть и ведёт он на улицу	12
Глава 4. Точка поставлена	13
Глава 5. Неожиданное предложение	17
Глава 6. Вероника приняла решение	22
Глава 7. Биография Киры Зерникиной	25
Глава 8. Выйти замуж, чтобы ни о чём не думать	27
Глава 9. Начало сложных дел	31
Глава 10. Агентство широкого профиля	34
Глава 11. Один в один или точь в точь, кому как больше нравится	38
Глава 12. Разбор полётов в превосходной форме	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Обаяние объекта

Наталья Криммер

© Наталья Криммер, 2017

ISBN 978-5-4485-9666-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. О любимой работе. «Счастливой» семейной жизни. И о лучшем друге

– Галактионова, это никуда не годится! Понимаешь, ни-ку-да.

Главный редактор ключевое слово повторил по слогам, видимо, решил, что так бестолковая девчонка Вероника Галактионова лучше поймёт, что написанный ей материал в ближайший номер не пойдёт и вообще, «ни-ку-да» не годится.

– Пал Иваныч, ну как не пойдёт? Это хорошая рецензия, спектакль современный, театр модный и текст грамотный, я за качество отвечаю, – пыталась защититься Вероника, но у неё это слабо получалось, потому что защищаться она не умела. Себя не умела, если кого-то, то она могла ринуться в бой, а себя никогда.

– Текст, может и неплохой, – согласился редактор, – но он мне не нужен. Рецензии вообще не нужны. Кто их читает?

– Как не нужны?! – изумилась Вероника, – Вы же постоянно нам говорили, что у Вас приличное издание и что ориентируетесь на интеллигентного читателя. Разве Вы этого не говорили?

– Говорил, – редактор снял очки, потёр глаза, пожаловался, – устал. Целый день от компьютера не могу отойти: ем, пью на рабочем месте. Живу без отрыва от производства, – и повторил, – устал...

В подтверждение своих слов, редактор снова нацепил очки и уткнулся в компьютер, Веронике даже показалось, что он забыл о её существовании, хотя она продолжала стоять у редакторского стола.

– Пал Иваныч, – окликнула журналистка своего начальника.

Начальник поднял голову, тоскливо взглянул на Веронику, как будто первый раз её увидел. Потом, видимо, вспомнил, о чём шла речь, покачал головой и, в очередной раз, повторил:

– Не пойдёт, – и припечатал, – больше мы рецензии публиковать не будем. Издание меняет направление и целевую аудиторию тоже меняет. – И поделился новостями, – я сегодня встречался с владельцами, удовольствие от встречи, мягко скажу, не получил. Мне всё припомнили, что рейтинг падает, продажи низкие. Мне недвусмысленно намекнули, что нужно кардинально всё менять, дабы не нарваться на санкции. Сама понимаешь, что это значит. В общем, все рубрики будем пересматривать: театры, выставки и тому подобная беллетристика пойдут на последнюю страницу, и будут представлены только в виде рекламных объявлений, кратких новостей и анонсов. Так что придётся переквалифицироваться.

– В управдомы?

– А хоть бы и так. ЖКХ вполне себе современная и животрепещущая тема. Главное все эти «кисейные занавесочки с шёлковыми салфеточками» со страниц журнала убрать. Ясно тебе? Убрать!

– Ясно. Только я не понимаю ... – начала, было, Вероника...

Но шеф договорить не дал:

– И понимать тут нечего. Завтра на планёрке я освещу приоритетные направления, которые теперь в журнале останутся. Решим, кто, где будет творить. – И всё-таки подбодрил, – не вешай нос, журналистика нытиков не терпит. Свободна.

Вероника вышла из кабинета главного. «Чудеса творятся, – думала она, – как можно мгновенно перепрофилировать серьёзное издание в бульварный листок или ещё во что-то,

но явно рангом ниже. – Усмехнулась и мысленно процитировала слова шефа, – журналистика нытиков не любит».

Она никогда и не была нытиком, просто сейчас было обидно. И театральную тему было жалко терять, она уже несколько лет вела рубрику «Театральный роман не по Булгакову», и ей казалось, что рубрика имела успех. По крайней мере, её читали и отклик был. И форум не затихал, и на сайт читатели писали. И вдруг всё так бездарно в одночасье угробили.

Вероника прошла по коридору и завернула в кабинет, где сидели фотокорреспонденты. В комнате скучал парень с абсолютно русской внешностью, такими обычно в детских сказках Иванушек-дурачков рисуют, и неожиданным именем Амбарцум Гигарян.

– Арик, привет. А Ваня где? – спросила Вероника про своего старого друга и коллегу Ивана Чеснокова.

– Курить побежал, всё неймётся ему, – проворчал некурящий Гигарян, – садись, подожди, он уже давно ушёл, скоро нарисует, наверное. Если по дороге никуда не завернёт.

– Сейчас я ему позвоню, – сказала Вероника, доставая телефон.

– Можешь не трудиться, вон его мобилка валяется. Вечно он его бросает.

– Опять ворчишь, зануда, – появился на пороге кабинета Ваня Чесноков, – привет Вероничка. Что такая кислая?

– А ты что не слышал, какие у нас грядут перемены?

– Слышал. Не пойму только, кому это нужно и, что это изменит?

– Рейтинг поднимется, – влез Гигарян, – чернуху всякую будем освещать, кровь, скандалы! Красота! – смаковал Амбарцум. – Вот рейтинг и поднимется, – хихикнул и добавил, – может быть.

– Не факт, – вздохнула Вероника, – я не думаю, что наши читатели одни маргиналы и уроды.

– Вот и посмотрим, – заявил Гигарян.

– Да что смотреть, я просто без работы останусь. Я уж точно со своими новостями культуры, рецензиями и интервью с артистами и режиссёрами, в новую реальность не впишусь.

– Почему не впишешься? – кинулся успокаивать подругу Чесноков, – что, кроме как о театре больше нечего писать? Какая-то другая достойная тема найдётся. Не грусти. Пойдём кофейку попьём, что так на сухую сидеть киснуть.

– Ну, пойдём, – согласилась Вероника. И вежливо спросила, – Арик, пойдёшь с нами?

Гигарян замотал головой, он прекрасно понимал, что в компании двух закадычных друзей он совершенно лишний.

Посиделки в кафе не удались: то ли настроения не было, то ли просто и у того и у другого участника этой встречи голова была слишком занята, предстоящими переменами в издании.

Хотя Ваня Чесноков вида не подавал и всеми силами старался отвлечь и развлечь свою загрустившую подругу – коллегу, но не слишком получалось. Он всё время сбивался на темы, не самые комфортные для неё. Так и сейчас Ваня, чтобы не говорить о работе, ни с того ни с сего, спросил:

– А как Петюня твой поживает? Что-то про него совсем не слышно.

Вопросы о муже никогда хорошего настроения не прибавляли, но ответить было нужно. Ваня, же спросил, значит, надо ответить.

– А что про него особенно рассказывать. Нормально всё. Сидит, пишет. Как обычно ничего нового. – И вдруг поделилась. – Знаешь, живём как соседи, каждый сам по себе. Под одной крышей, но как чужие.

– Что значит, чужие? – переспросил Иван. – Вы поссорились?

– Да нет, мы не ссорились. Ссориться, поводов нет. Мы просто потеряли друг к другу интерес.

– Может, ты сгущаешь краски? – усомнился Чесноков, – может, всё не так страшно.

– Может и сгущаю. И, наверное, не страшно. Ничего плохого, в общем, не происходит. Я стараюсь, вести себя, как всегда: готовлю, стираю, убираю. Стараюсь, чтобы дома было уютно. Но, по-моему, ему всё это не нужно, – усмехнулась и добавила, – и я ему, по-моему, не нужна.

– Слушай, а может, он кого-то себе завёл? – предположил Иван.

– Не думаю, в основном, дома сидит. Может, конечно, в моё отсутствие к нему кто-то приходит, но тогда они талантливые конспираторы. Я никогда ничего не замечала и следов адюльтера не находила, – усмехнулась и добавила, – правда и не искала. Мы, вообще, когда оба дома, в компьютеры уткнёмся, так жизнь и проходит.

– Слушай, а вообще ... – начал, было, Иван, но не знал, как спросить о том, что его интересовало.

Вероника пришла ему на помощь:

– Хочешь спросить, спим ли мы вместе?

– Ну, не так, – засмутился Чесноков.

– Так-так, – засмеялась Вероника, – я, Ванька, знаю, тебя эти вопросы всегда интересовали. Честно сказать, если между нами, что-то и происходит, то нечасто. А так, мимоходом, если мы случайно друг другу, как говорят, под руку попадёмся. – И улыбнулась. – Вот такая у меня, Ванечка, счастливая семейная жизнь. Но я не жалею.

– Надо было мне на тебе жениться, – начал излюбленную тему Чесноков.

– А что ж не женился? – засмеялась Вероника.

– Да дурак был, всё думал рано, что всё успеем, что, как мама говорила, вот на ноги встану. – И повторил. – Дурак был. Пока думал, тебя этот Петюня охмурил.

– Да ладно, Вань, – дело прошлое, – у нас сейчас и без этого есть, что обсудить.

Они переключились на производственные темы, хотя и этот разговор позитива не добавил.

Глава 2. О семье и о безразличии

Вероника открыла дверь, в квартире было тихо, в комнате, где обычно работал Пётр, горел свет. Вероника заглянула туда, удивилась, что муж сидит не за компьютером, а в кресле и перед ним стоит полураскрытый чемодан.

– Добрый вечер, – неожиданно приветливо отреагировал на её появление Пётр, – хорошо, что пришла, а то мне уже выезжать нужно, не хотелось, не попрощавшись.

– Ты что уезжаешь? – удивилась Вероника.

– Да, – кивнул муж.

Больше никаких пояснений не дал, пришлось переспросить:

– А куда, если не секрет?

– Никакого секрета нет, – ответил супруг, – в дом творчества еду, что-то устал, нужно картинку сменить и творческих сил набраться.

«Везёт мне сегодня на уставших, жалующихся, ждущих перемен, мужиков», – подумала Вероника, но комментировать ничего не стала, только спросила:

– Ты же вроде ничего подобного не планировал, это какая-то свежее испечённая идея?

– Меня пригласили, – уклончиво ответил муж и взглянул на экран телефона, ему только что пришло сообщение, – всё, пора, такси приехало.

Пётр закрыл чемодан, снял с вешалки дублённую куртку, повесил её на руку, огляделся, проверяя, не забыл ли чего.

Вероника удивилась.

– Ты там что зимовать, что ли собрался? Сейчас вроде лето на дворе, для дубленки как-то рановато.

– Да нет, зимовать не собираюсь, – засмеялся Пётр, – просто вечера за городом холодные. Не хотелось бы простудиться. А курточка тоненькая, одно название, что дублёнка.

Супруг заученно чмокнул Веронику в щёку, произнёс безликое, – «не сучай», – подхватил чемодан и выскользнул из квартиры.

– А ты надолго? – растерянно спросила Вероника супруга, переминавшегося на лестничной площадке, в ожидании лифта.

– Не знаю, – беспечно ответил Пётр, входя, в подоспевшую кабину и уточнил, – как пойдёт. Пока!

– Пока, – ответила Вероника, хотя двери лифта уже закрылись, и её прощальные слова Пётр услышать не мог, но, скорее всего, для него это не имело значения.

Вероника вернулась в комнату. В голове крутилось словосочетание «соломенная вдова». Откуда взялось это определение, она сама не понимала, но откуда-то оно взялось. Может быть, потому что Вероника была человеком пишущим, и любую ситуацию, мысленно прокручивала, как написанный текст. А ведь, если писать что-то, нужны достаточно лаконичные, ёмкие и желательны образные определения. И в данном случае, «соломенная вдова», была, как нельзя более кстати. Конечно, не очень хотелось «примерять» это определение на себя, но, к сожалению, оно вполне подходило.

Нельзя сказать, что скоропалительный отъезд мужа, её сильно огорчил. Она уже, в общем, привыкла к его безразличию и невниманию. Но такая почти показная, «самостоятельность» была неприятна. И даже вызывала сомнение, насколько озвученные им планы, соответствовали действительности. Копаться в этих тонкостях не хотелось. Она и не стала.

Вероника послонялась по квартире, убрала следы недавних, видимо поспешных сборов супруга, помыла посуду, Пётр такими мелочами себя никогда не утруждал, налила себе чай и включила компьютер, собираясь провести вечер в обществе всемирной сети.

Спокойного чаепития не получилось, в дверь кто-то требовательно звонил. «Можно конечно не подходить», – подумала Вероника. Но посетитель был так настойчив, что ожидать его быстрого ухода не приходилось. Вероника вздохнула и пошла, открывать дверь. На пороге стояла Леокадия Семёновна – мама Петра, только ей, в годы всеобщей телефонизации, приходило в голову, приезжать в гости без звонка.

– Я думала, вы спите, – проворчала мама, – столько времени не открывать дверь. – Запоздало поздоровалась, – здравствуй, Вероника.

– Здравствуйте, Леокадия Семёновна, – старательно улыбнулась жена сына.

– А, где Петюня? – поинтересовалась мама, не найдя сына на обычном месте за компьютером.

– А его нет. Он сегодня в Дом творчества уехал, – сообщила Вероника.

– Как уехал? – изумилась Леокадия, – я с ним утром разговаривала, он мне ничего не сказал и никуда не собирался.

– Я тоже утром думала, что он никуда не собирается, – подтвердила Вероника, – но видимо мы с Вами обе ошибались.

– Что значит, ошибались? – довольно резко переспросила мама мужа.

Она вообще не могла допустить мысли, что её любимый мальчик не поделился с ней своими планами. Леокадия Семёновна была убеждена, что у неё с сыном крайне доверительные отношения и если он уехал, ни сказав ей, ни слова, значит, он чем-то расстроен и, скорее всего, поведением жены, слишком, по мнению свекрови, у неё был неуживчивый характер.

– Ты его чем-то обидела? – накинулась на Веронику свекровь.

Вероника обратила внимание, что спросила гостя именно так, не обидела ли она её обожаемого Петю, не потрудилась даже смягчить до вопроса, не поссорились ли её сын с невесткой. Нет, вопрос прозвучал именно так, свекровь была уверена, что невестка обидела её обожаемого сыночка.

Вероника усмехнулась и спокойно ответила:

– Я его не обижала, мы не ссорились, просто он посчитал, что устал и решил, как он сказал, «поменять картинку и набраться творческих сил».

– Ему, действительно, нужно отдохнуть, – тут же поддержала сына мама, – он так эмоционально наполнен, ему необходима разрядка.

– Ну, пусть разряжается, – усмехнулась Вероника, – никто запретить не может.

– Ты что не понимаешь, Пётр уникально талантливый человек, таких – один на миллион. И ты должна это понимать и научиться, в конце концов, ему соответствовать, в силу своих возможностей.

Никаких уникальных талантов, которым она должна соответствовать, Вероника в своём муже не замечала. Она допускала, что он неплохо писал очерки о путешествиях для туристических журналов, читать их было интересно и увлекательно. И эти статейки приносили какой-то доход. Но это время, давно прошло. То ли рынок был переполнен такими литературными «короткометражками», то ли Петру надоели постоянные командировки, то ли ещё по какой-то причине, но Пётр познавательные статьи забросил, и вдруг открыл в себе поэтический дар. Скорее всего, именно об этих уникальных способностях говорила сейчас Леокадия Семёновна. К сожалению, мамино восторга Вероника не разделяла и поэзию мужа не любила. По мнению Вероники, стихи были безлики и тяжелы в восприятии. Но, как известно, отношение к любому литературному произведению – вещь субъективная. Поэтому на заявление свекрови она промолчала, только едва заметно, усмехнулась. Усмешка незамеченной не осталась.

– Ты чем-то недовольна? – пошла в атаку Леокадия Семёновна.

– Я всем довольна, – ответила Ника, – даже тем, что он не посчитал нужным заранее поделиться своими планами, а просто поставил перед фактом. Но, тут уж ничего не поделаешь, наверное, я не заслужила такого доверия.

– Всегда причину нужно искать в себе, – заявила мать мужа, – по крайней мере, в отношении к тебе мужчины уж точно.

– Тогда мы с Вами товарищи по несчастью, – засмеялась невестка, – к Вам, видимо, этот самый мужчина относится точно также.

«Зачем я затеяла эту дурацкую перепалку? – отругала себя Вероника, – никому это не нужно, а только настроение испортила и себе и свекрови, хоть она и начала первая».

– Леокадия Семёновна, хотите чаю? – пошла на мировую Вероника.

Мама от чая отказалась, на перемирие не пошла и, поджав губы, отбыла восвояси.

Вероника вылила остывший чай, налила себе новый и, наконец, с удовольствием окунулась в необъятное интернет – пространство.

Глава 3. Выход есть и ведёт он на улицу

- Как же так? – нервно рефлексировал Чесноков, – как такое вообще могло произойти?
- А что ты удивляешься? Он же ещё вчера сказал, что журнал меняет направление.
- Я не ожидал, что так кардинально. Интервью с чиновниками и сильными мира сего и реклама дорогих тряпок для их дражайших жен. Бред!
- Да ладно, Вань, не переживай, – Вероника вздохнула.

После летучки и озвученных редактором новостей, на неё вдруг накатило такое опустошение, что даже обсуждать сложившуюся ситуацию, сил не осталось. Хотелось скорее выйти из редакции и по мановению волшебной палочки, минуя общественный транспорт, немедленно оказаться дома. Но, Иван не унимался.

- Вероничка, ну и какую тему из того, что он тебе предложил, ты решила взять?
- Никакую, – покачала головой журналистка, – мне там не о чем писать. Даже просто сказать по этим темам нечего. В политике я не разбираюсь, в народном хозяйстве тоже. В моде скорее обывательски, чем экспертно. Тем более на моду он свою Машеньку бестолковую поставит, чтобы любимую девочку уважить. Так что у меня вариантов нет.
- Тебя, если ты не ведёшь какую-то тему, за штат переведут, – предостерёг Чесноков.
- Пусть переводят, – безнадежно махнула рукой Вероника, – мне всё равно.
- Так нельзя. Должен же быть какой-то выход.
- Выход всегда есть, – ответила Вероника.
- И какой же?
- Вань, не веришь, самый обыкновенный. Даже я бы сказала, традиционный. Через дверь.
- Через какую дверь?
- А через ту, что ведёт на улицу. К сожалению, никаких других вариантов я не вижу.

Глава 4. Точка поставлена

Пётр не появлялся уже больше месяца. Нет, он никуда не пропадал, не отключал телефон и не устраивал никаких показных вылазок, которые может устроить супруг недовольный поведением своей половины. Да и никакого особенного поведения, которое могло вызвать раздражение, не было. Вероника в основном проводила время дома у компьютера, после законченного перевода на внештатную работу в редакции появляться было совершенно незачем. Да она особенно и не рвалась. Писала анонсы, предстоящих культурных событий и правила рекламные тексты, присланные, не всегда грамотными рекламодателями. Отправляла готовые материалы по электронке. Вот, собственно, и весь процесс.

Недавно, правда, её пригласили на работу в театр в литературную часть, но особенно близким себе этот род деятельности она не считала. Так, небольшая подработка и, чтобы для самой себя создать видимость занятости.

За это время Пётр позвонил от силы раз пять. Звонки были дежурными, а содержание бесед формальным, с кратким описанием времяпрепровождения на отдыхе и творческих планов. В доказательство того, что эти самые планы есть действительно и претворяются в жизнь, Пётр даже прочитал супруге два тяжеловесных стихотворных опуса, которые Вероника сдержанно похвалила, но наедине с собой вынуждена была признать, что поэтическим даром её муж – Пётр Скворцов, обделён совершенно. И, почему-то подумала, что он вряд ли столько времени сидит в санатории и, скорее всего, у него в жизни есть ещё какие-то интересные занятия, кроме создания бездарных стихов. Но подобные мысли она постаралась от себя немедленно отогнать, чтобы не бросать тень на идеальный образ уникально талантливого человека, создаваемого его мамой Леокадией Семёновной.

Сегодня Пётр снова позвонил, опять задал ряд ставших уже традиционными дежурных вопросов «о погоде и о здоровье», поведал, что работает плодотворно и скоро завершит новую поэму.

Вероника подумала, что если супруг перешёл от стихов к более крупным поэтическим формам, то нужно запастись терпением, чтобы суметь выслушать его очередное творение. Но ничего подобного вслух она не сказала, а ответила, что очень за него рада и поинтересовалась, не собирается ли супруг домой. Петя ответил, что возвращаться ещё рано, что он должен ещё поработать и сбавлять обороты творческой машины просто не имеет права.

Вероника согласилась, что сбавлять обороты ни в коем случае нельзя и вдруг ошарашила мужа вопросом:

– Петя, а ты не будешь возражать, если я к тебе приеду на пару дней? Хотелось бы подышать воздухом, который наполняет таким вдохновением.

– Приехать? – произнёс совершенно растерявшийся супруг и вдруг глупо спросил, – приехать куда?

– Как куда? В дом творчества, – пояснила Вероника, – ты же, насколько знаю, там ТВОРЧЕСТВОМ занимаешься.

– Будь дома, я заеду сегодня вечером, – заявил Пётр и добавил, – постараемся спокойно поговорить.

«А вдова то совсем не соломенная, а самая, что ни на есть настоящая и не вдова, а просто обыкновенная брошенная жена. Поздравляю, дорогая!», – мысленно обратилась к себе Вероника.

Она понимала, что всё шло именно к такому финалу, но получить «однозначную информацию из первоисточника» было неприятно. Не больно, а просто неприятно. Хотя, наверное, немного больно всё-таки было, семь лет под одной крышей прожили. Да, надо было признать,

что прожили не вместе, а под одной крышей. Но, семь лет из ещё не такой уж длинной жизни, как не крути серьёзный срок.

Пётр появился на пороге часа через два и произвёл на Веронику неизгладимое впечатление не только своим отдохнувшим и цветущим видом, но и букетом цветов, которые он ей, улыбаясь, протягивал.

– Это мне? – изумилась Вероника, Пётр не дарил ей цветов с момента, как перестал считаться женихом и перекочевал в классификацию муж.

– Тебе, – просиял Пётр, – прекрасно выглядишь.

– Спасибо, – комплименты от него были тоже в диковинку. Вероника поняла, что предстоит серьёзный разговор. – Ты тоже выглядишь замечательно. Проходи, – пригласила она.

Пётр пошарил на полке под вешалкой, деловито спросил:

– А, где мои тапочки?

– Ты разве их не взял с собой в дом творчества? – усмехнулась Вероника.

– Точно, взял, – не услышал в голосе жены иронии Пётр, надел «гостевые» шлёпки и прошествовал в комнату.

Вероника прошла за ним. Пётр плюхнулся на диван, закинул ногу на ногу, спросил:

– Ну, как вообще?

– Вообще нормально, – Вероника присела в кресло напротив и стала ждать, что, в конце концов, скажет непризнанный гений.

Но, гений ничего говорить не спешил. Время тянулось в томительной тишине. Вероника никогда не думала, что с этим человеком может быть так тоскливо и неудобно. От ощущения этого «неудобно» она даже поёжилась.

Пауза затянулась, Пётр понял, что Вероника начинать разговор не собирается и приступил к нелёгкому делу сам:

– Вероник, понимаешь, я был в доме творчества всего две недели, а потом думал вернуться домой, но так получилось, что поехал к одной своей подруге. Думал на несколько дней, но получилось иначе.

«Вот что она молчит? – злился Пётр, – хоть бы спросила что-нибудь. Нет, сидит как каменное изваяние, как будто не слышит. Бесчувственная такая. И ни слезинки». Петру почему-то хотелось, чтобы Вероника заплакала. Правда за таким занятием его жена никогда замечена не была, но ему хотелось. Сегодня, покупая ей цветы, он почему-то представлял, что когда он ей расскажет о своих похождениях, она обязательно заплачет и тогда он, может быть, снизойдёт, чтобы остаться дома.

Пётр уже прекрасно понимал, что девица, с которой он жил последнее время, не слишком ему подходит, и уж точно в подмётки Веронике не годится ни внешне, ни внутренне. Хотя барышня взахлёб восхищается его стихами, даже читает их наизусть, но дальше этого, дело не идёт. Разговаривать с ней не о чем, даже молчать, вместе не получалось. А любовные утехи вряд ли могут в полной мере заменить все остальные составляющие совместной жизни. Петю это положение вещей давно тяготило. Он просто старательно убеждал себя в обратном и оттягивал разговор с Вероникой.

И вот теперь эта самая Вероника, которая согласно его сценарию, должна плакать и уговаривать его вернуться, преспокойно сидит, молчит и ещё, как ему показалось, чуть заметно улыбается.

– Что тебя так рассмешило? – раздражённо спросил он.

– Ничего. Я не думала смеяться.

– А, что тогда молчишь?

– Видишь ли, я как-то не знаю, как нужно себя вести в ситуации, когда муж сообщает о своей измене. У меня же раньше, насколько помню, такого опыта вроде бы не было. Вот и не знаю, что сказать.

Вероника была, как казалось Петру, чудовищно спокойна, и это было неприятно и даже обидно.

– Ты говоришь это специально, хочешь меня позлить?

Вероника усмехнулась:

– Петь, не хочу я никого злить. Если ты встретил женщину, с которой чувствуешь себя счастливым, я за тебя рада. Это твой выбор. Спасибо, что честно сказал. Разойдёмся спокойно.

– Ты так легко об этом говоришь, – взвился Пётр, – ничего не трогает? Я всегда знал, что ты ко мне равнодушна. Ты холодная, бесчувственная. Я никогда не слышал от тебя слов любви.

– Петь, по-моему, сейчас дело не во мне, – грустно улыбнулась Вероника.

– Именно в тебе, – заявил Скворцов и повторил обвинения, – ты холодная, безразличная. Тебя не интересуется ни моя жизнь, ни моё творчество, ни мои достижения.

«Хотелось бы увидеть эти достижения», – подумала Вероника, но благоразумно промолчала. Только спросила:

– Ты вещи сегодня планируешь забрать или ещё раз приедешь?

– Я не собираюсь ничего забирать, – раздражённо ответил Пётр, – и уезжать отсюда не собираюсь. Ты моя жена и должна принимать меня таким, какой я есть. И я не позволю тебе разбивать нашу семью. Как бы тебе этого не хотелось.

От такой неприкрытой наглости Вероника даже растерялась. Услышать от мужа о его неверности, а потом оказаться обвинённой «во всех смертных грехах» – это было уже даже для Петра Скворцова как-то слишком экстравагантно.

– Петь, ты же только что сообщил мне, что встретил другую женщину и, по всей видимости, она тебя устраивает гораздо больше, чем я.

– Да! – запальчиво сказал Пётр, – и она старается мне соответствовать.

Он сказал это и сам удивился, зачем произнёс заведомую ерунду. Его нынешняя пассия, как бы ни старалась, соответствовать достаточно воспитанному и эрудированному Пете, не могла. А когда в компании его друзей произнесла слово «звонит», с явным ударением на «о», поэт понял, что ошибся.

– Ну и зачем ломать комедию, что-то изображать, когда ты уже всё решил? – вздохнула Вероника.

– А я ничего ещё не решил. Мне действительно показалось, что эта женщина мне подходит, но теперь я понимаю, что ошибся. Я шёл к тебе, ощущая всё это. Просто мы же интеллигентные люди, я не хотел тебе лгать и, рассказав, о своей ситуации рассчитывал на понимание. Ты должна меня понять, я творческий человек, мне нужен был эмоциональный всплеск – это нормально, я поэт. – Пётр встал, он видимо посчитал разговор завершённым, и направился к своему компьютеру, деловито заинтересовался, – ты мой комп за эти дни не включала? Обновлений, наверное, куча пришла. Нужно включить, посмотреть.

Вероника поняла, что это театральное представление нужно завершать и спокойно сказала:

– Пётр, мне кажется, какие обновления пришли в твой компьютер ты посмотришь у себя дома. А сейчас соберёшь всё, что тебе необходимо и отсюда уйдёшь.

– Что значит уйдёшь?

– Значит то, что я сказала, – ответила Вероника, потом спросила, – сам соберёшься или помочь?

Пётр не стал ничего собирать, небрежно бросил:
– Я у мамы, – и, не удостоив жену взгляда, вышел из комнаты.

Вероника осталась в комнате. Провожать раздраженного супруга не пошла и вышла только тогда, когда за ним захлопнулась входная дверь. На столике у зеркала увядали цветы, которые она забыла поставить в воду, а под вешалкой валялись, сброшенные Петром тапочки. «Точка поставлена, – грустно подумала Вероника, – можно переворачивать страницу».

И она её перевернула. Хотя Пётр Скворцов не хотел в это верить и упрекал жену в том, что это именно она разрушила их брак. Но Вероника была уверена, что разбитую чашку не склеишь, сумела происходящее пережить, и, в конце концов, Петру пришлось принять её решение.

Правда, не смотря на то, что он смирился со сложившейся ситуацией, сразу из жизни бывшей жены не ушёл. А предложил разменять Вероникину квартиру, доставшуюся ей по наследству от бабушки, мотивируя это тем, что у него должны быть нормальные условия для творчества и жить с мамой в маленькой двушке он не может. Пётр был очень удивлён, когда жена отказалась идти на такой шаг. Супруг обвинил её в непонимании, черствости и ещё много в чём обвинил. Веронике даже пришлось нанять адвоката, чтобы донести до бывшего мужа и его мамы, которая принимала в борьбе за чужую жилплощадь деятельное участие, их права. Адвокат оказался профессионалом, всё, что было необходимо, донёс, и тяжба завершилась полной победой Вероники и справедливости.

Глава 5. Неожиданное предложение

Дома было так тихо, что от этой тишины даже закладывало уши, поэтому телефонный звонок был действительно неожиданным. Вероника вздрогнула и, не взглянув на дисплей, взяла трубку. Как ни странно, после нескольких месяцев молчания, звонил главный редактор журнала, где она раньше постоянно работала.

– Галактионова, привет, – как всегда довольно фамильярно, по фамилии, обратился главный.

– Добрый день, Пал Иваныч.

– Дело есть, – сразу перешёл к цели своего звонка редактор, – ты можешь ко мне приехать в ближайшее время, поговорить?

– Смогу, – кивнула невидимому Павлу Ивановичу Вероника.

– Отлично! Тогда жду тебя в редакции завтра утром, часиков в одиннадцать. Пойдёт?

– Пойдёт, – опять кивнула Вероника.

Работать хотелось, фасонить и изображать занятость, смысла не было.

– Ну и отлично, – отреагировал редактор. – Хотя нет, подожди, разговор серьёзный, лучше, чтобы нам не мешали. Давай, подъезжай завтра вечером часов в восемь, как раз народ схлынет немножко. Сможешь?

– Смогу.

– Вот и прекрасно. Жду тебя завтра в восемь.

«Интересно, что за тайны?», – недоумевала Вероника, но никаких адекватных версий, почему редактор назначил ей встречу «когда схлынет народ», не придумала. И на завтра поехала на randevu.

В восемь вечера в редакции было уже довольно безлюдно. Вероника заглянула в кабинет главного, Павел Иванович сидел один, как всегда, уткнувшись в компьютер.

– Добрый вечер, – поздоровалась посетительница.

– Привет, Вероника, – неожиданно обратился к ней по имени главный, – проходи.

«Что это с ним, не заболел ли? – изумилась гостья, – уж больно приветлив». Редактор налил чай, порывлся в ящике стола, достал несколько, видимо, выдавших виды конфет, улыбаясь, приговаривал:

– Чаёк вот, хороший, только что заварил, конфеточки. Угощайся.

– Спасибо, – продолжала удивляться редакторскому радушию Вероника.

Наконец, Павел Иванович решил, что «ритуальные танцы» закончились. Заметно посерьёзней, уселся в своё начальственное кресло и перешёл, как он обычно говорил, к повестке дня. Повестка оказалась довольно необычной.

– Видишь ли, Вероника, тут такое дело, – начал редактор, – нужно провести журналистское расследование. Если всё срастётся, то это будет бомба. Журналист, который этот материал опубликует, проснётся знаменитым! Это я гарантирую! – помолчал, добавил, – я хочу, чтобы этим счастливымчиком была ты.

После того, как совсем недавно главный редактор журнала «Счастливый случай» Павел Иванович Симков, заявил своей сотруднице Веронике Галактионовой, что в её услугах не нуждается, теперешнее его заявление звучало более чем странно. Редактор увидел недоумение своей гостьи и перешёл к объяснениям:

– Понимаешь, – доверительно начал Павел Иванович, – там дело непростое. Наводку я получил из верного источника, в одном из подразделений МВД. Они сами занимаются этой

темой и им нужен ещё один независимый источник получения информации. И журналистское расследование тут очень подходит. Но, чтобы это всё осуществить, нужен человек верный, на которого можно всецело положиться. И преждевременной утечки информации, чтобы не произошло. Первый человек, о ком я подумал, была как раз ты, Вероника.

– Спасибо за доверие, – усмехнулась журналистка.

– Тут ещё есть один момент, прежде чем соглашаться, ты должна знать, – продолжил Павел Иванович, – это расследование журналист должен вести нелегально.

– То есть, как нелегально? – не поняла Вероника.

– А так, никто не должен знать, что это расследование ведётся. Сейчас озвучу тебе первоначальные вводные, а дальше уж решай. Короче слушай, в одном городе, назовём его условно город N, открылась компания. Вроде бы брачное агентство, а вроде и не брачное, а какое-то ещё... Понятно только, что там какие-то другие далеко не безобидные дела вершатся.

– Какие дела? – переспросила Вероника.

– А вот в этом и предстоит разобраться. Что неблагоприятные дела, стало ясно, когда на них заявления начали поступать от обиженных клиентов. Ещё есть информация, что люди, которые попадают в поле зрения сотрудников агентства, не всегда остаются в живых.

– Жуть, какая! А, что они их убивают что ли?

– Не знаю, утверждать не могу. Понятно, что аферисты, а может и хуже, но в каких масштабах и направлениях развивается их, с позволения сказать, бизнес и нужно выяснить. Менты отправляли к ним своих людей под видом клиентов. Но, клиент очень мало видит и всю их кухню разнюхать не может. Повстречались с ними какие-то свахи занюханые, предложили им невест провинциальных. И всё. По всему видно, что просто отделаться хотели.

– Скорее всего, интересных клиентов в переодетых сотрудниках полиции не видели, – предположила Вероника.

– Молодец, – похвалил Симков, – в корень смотришь. Сразу почувяла, какими интересными делами тут пахнет. Там и нужен человек с пониманием, равнодушный, который внедрится к ним в качестве сотрудника и, тогда картина будет видна изнутри.

– Вы думаете, они так с улицы допустят неизвестно кого?

– Конечно, с улицы не допустят, – кивнул редактор. – Но, у нас есть возможность туда привести человека по рекомендации людей, которым они доверяют. Там только есть условие, что журналист, которого будут внедрять, должна быть обязательно молодая женщина, не обременённая семьёй, детьми и так далее. Ты же вроде с мужем развелась?

– Да, официально развелась недавно, – подтвердила Вероника.

– Ну и прекрасно, – довольно бестактно заявил редактор.

– Не знаю, прекрасно или нет, но это факт, – вздохнула Вероника.

– Не цепляйся к словам, – проворчал Павел Иванович, ему видно уже надоело, обволакивать гостью любезными разговорами, – я только сказал, что свободному человеку легче располагать своим временем. Ну, вот собственно, такое предложение. Как ты на это смотришь?

– Даже не знаю, – ответила Вероника, – ничего подобного у меня в жизни не было.

– Вот видишь, – обрадовался бывший шеф, – какие интересные проекты я тебе предлагаю.

– Интересные, наверное, – согласилась Вероника, – но, это же, может быть опасно, если Вы говорите, что компания какая-то мутная.

– Ну, почему опасно? Там тебя подстрахуют. И потом, не в банду же к преступникам тебя забрасывают. Устроишься на работу, потрудишься пару месяцев, во всем разберёшься, и эксклюзивный материалчик у нас в кармане.

– Вы снова меняете тематику публикаций журнала? Новая тема – преступления?

– Не меняю, но действительно, хочу попробовать новое направление. Вернёшься, откроем под тебя рубрику «Криминальный роман», – и подмигнул, – звучит?

Жизнерадостное настроение редактора Вероника не разделяла, просто спросила:

– Можно мне подумать?

– А, что тут думать? – взвился бывший шеф. Потом, правда, взял себя в руки, более спокойно сказал, – хочешь подумать? Думай. Только недолго. До завтра тебе времени хватит?

– Наверное, хватит, – с некоторым сомнением ответила Вероника.

– Ну и хорошо. Только не затягивай, пожалуйста.

– А что у нас, так мало времени?

– Немного. Тебе же ещё документы нужно сделать.

– Какие документы?

– Паспорт.

– А, я что должна внедряться по чужим документам? – изумилась Вероника. – Какие-то шпионские игры.

– Шпионские не шпионские, но досье на журналистку Веронику Галактионову фигурировать не должно. Вон твоих статей, сколько хочешь в инете болтаются. Они же тоже не дураки, почитают и кто тебя тогда к своим секретам подпустит.

– Хорошо, наверное, Вы правы, – сказала Вероника, вставая, – я подумаю и завтра Вам позвоню.

– Жду, – кивнул редактор, – ещё хотел тебя попросить, не советуйся ни с кем, пожалуйста. – И повторил, – ни с кем, ни в коем случае. Даже с другом твоим Чесноковым эту тему не обсуждай.

– Да Ваня бы и не сказал никому ничего, если бы я попросила. Он человек проверенный.

– Какой бы не был проверенный, пожалуйста, чужие тайны никому не доверяй. Утечки информации мы допустить не можем, – и доверительно добавил, – наши учредители в этом деле очень заинтересованы.

– Хорошо, – кивнула Вероника, попрощалась и вышла из кабинета редактора.

Она вышла из редакции, домой возвращаться не хотелось, потому что её там никто не ждал. Хотя, по мнению молодой журналистки, это было не так уж плохо. Общаться ни с кем точно не хотелось, посоветоваться, может быть, но раз нельзя, значит, нельзя.

Подумав минуту, она решила немного пройтись, наедине с собой поразмышлять над предложением Павла Ивановича и вообще просто прогуляться, потому что, она всегда любила тихий московский центр. Особенно вечером, когда суматошная столичная жизнь затихала, и на маленьких улочках становилось совсем безлюдно и, кому-то даже могло показаться, что такое безлюдье действует пугающе. Кто-то мог так подумать, но только не Вероника. Она была уверена, что самые правильные решения принимаются на московских улицах вечером.

Совсем рядом сияло и даже в позднее время бурлило Садовое кольцо, а здесь было тихо и пустынно. Но от этого город становился ещё более родным и знакомым: здесь прошло её детство, жили бабушка с дедушкой, здесь неподалёку, она жила и сейчас. И лучшего советчика, чем любимая столица, она не знала. Вероника медленно шла по переулку, думала:

«Какое-то неоднозначное предложение, кажется, что и к профессии, оно, в общем, отношения не имеет. Шпионские игры какие-то. А изображать из себя разведчика – нелегала, просто не хочется». Да и сил она в себе особенно не чувствовала и актёрскими способностями, которые наверняка могли понадобиться, не обладала. Что-то в этом предложении вызывало сомнение. Только что, она себе объяснить не могла. Но сомнение было и от этого становилось как-то тревожно на душе.

Конечно, неплохо было бы посоветоваться, но Москва молчала, а больше, ни с кем обсуждать эту тему, Вероника полномочна не была. Ну, хотя бы не обсуждать и не советоваться, а просто услышать человеческий голос вдруг ужасно захотелось, и она позвонила Ивану Чеснокову.

– Вероничка! – как всегда искренне обрадовался ей Иван, – сто лет не слышал твой нежный голосок. Совсем тебя в твоём театре заездили, что даже старых друзей не вспоминаешь.

Вероника сейчас действительно работала в литературной части одного известного театра, работа была интересная, но ей совсем не подходила. Она не любила размеренную и спланированную на много времени вперёд жизнь репертуарного драматического театра. Там было всё слишком степенно и предсказуемо, поэтому там она откровенно скучала. Хотя, в театре её работой все были довольны и уверены в том, что и сама Вероника Галактионова полностью довольна и театром, и своим новым положением в нём.

– Вань, никуда я не пропала, работаю потихоньку. Всё нормально. – И вдруг пожаловалась, – только скучно очень. Драйва нет, рутина какая-то.

– Ну, уж и рутина?! Премьеру за премьерой выпускаете, – усомнился Иван.

– Выпускаем, только у меня такая работа, что я света белого не вижу, пришла на подработку, а затянуло по макушку. Сижу целыми днями, пьесы читаю, а их, знаешь, сколько непризнанные дарования в театр приносят. А я читай, – ворчала Вероника, – иной раз такая мусть, что и прочесть невозможно. А нужно, не только прочесть, а ещё им всем максимально любезно ответить, почему их творения мы не можем принять к постановке.

– Мне кажется, – вставил слово Иван, – далеко не все театры заморачиваются неприкрытым авторам отвечать.

– Не все, – согласилась Вероника, усмехнулась, – но, мы, же театр академический, интеллигентный, с традициями, такого себе позволить не можем. Как говорит наш главный режиссёр, из уважения к себе. Вот я и уважаю нас, а сама мучаюсь, отвечая всем этим графomanам.

– Слушай, – вдруг встрепенулся Чесноков, – а режиссер же у вас Гринёв?

– Да, Кирилл Аркадиевич, – подтвердила Вероника.

– Он клёвый режиссёр. Я несколько его спектаклей смотрел. И снимал его самого пару раз. Работоспособный, некапризный. А как человек, ничего, не обижает тебя?

– А как человек он, очень хороший, – засмеялась Вероника, цитируя фразу героини Татьяны Догилевой из фильма «Покровские ворота».

– С такой интонацией Догилева говорила об артисте Велюрове, когда Костик намекал на влюблённость артиста в её героиню, – тут же отреагировал Иван, – а твой Кирилл Аркадиевич, тоже, наверное, не устоял перед твоими чарами?

– Да брось ты, Ванька, какие чары, – запротестовала Вероника, – у нас рабочие отношения. Правда, на репетициях с ним сижу, но это просто потому, что он так привык. Он обычно орёт, беснуется, а со мной поговорит и успокаивается. Меня даже, артисты просят на репетициях бывать, говорят, что он со мной спокойнее.

– Вот видишь, какая великая польза от твоего присутствия.

Вероника вздохнула, подумала, что если она примет редакторское предложение, то любезнейшему Кириллу Аркадиевичу, а вместе с ним и его артистам, придётся обойтись без неё. Ведь если она всё-таки его примет, из театра придётся уйти.

«А, действительно, как решить этот вопрос?», – в очередной раз спросила себя Вероника и, в очередной раз, не получила ответа.

– Вероничка, ты что заснула? – окликнул Чесноков, притихшую подругу.

– Нет, Вань, извини, я задумалась просто.

– Думы потаенные, головка забубённая, – засмеялся Иван, произнося слова из популярной песни.

– Головка у меня точно забубённая, – моментально подхватила Вероника, – забубённой и не придумаешь.

– Давай, я к тебе приеду. И моментом все потаённые мысли из твоей головы выгоню.

- Да хоть сейчас приезжай, – предложила Вероника.
- Не-е, сейчас не могу, – как-то сразу погрузнел Чесноков.
- Ну, не хочешь, как хочешь.
- Не «не хочу», а не могу, – поправил Иван, – ко мне сегодня Юся приехала, – со значением пояснил, – повидаться.
- Ой, Ванечка, извини, у тебя randevu, а я со всякой ерундой пристала.
- Да ничего ты не пристала, – успокоил Чесноков и пояснил, – я покурить вышел, стою с тобой разговариваю, – и вдруг предложил, – а хочешь, я к тебе всё-таки сегодня приеду?
- Ванька, прекрати геройствовать, – засмеялась Вероника, – общайся спокойно со своей Юсей. Давай, на днях созвонимся и повидаемся.

Глава 6. Вероника приняла решение

Вероника приняла решение, принять предложение Симкова. Сама подумала, что непосредственная близость слов «приняла» и «принять» не слишком хороша для литературно обработанного текста. Но сразу поняла, что это сейчас не так важно. И решительно отмела и эти сомнения.

Да, предложенная работа была не совсем обычной. Даже скорее, совсем необычной. И как-то совершенно не вязалась с журналистской деятельностью. «Разведчик, шпион, актёр в роли их обоих, кто угодно, но только не журналист, – думала Вероника. – Хотя, если рассматривать одну из сторон журналистики, как „сбор информации и интерпретация увиденных событий“, то может быть, какое-то отношение всё-таки есть».

Она старательно уговаривала себя и к исходу ночи сумела уговорить. Сумела, потому что попробовать себя в новом качестве хотелось. Было интересно примерить на себя какую-то другую реальность. Изнутри познакомиться с укладом жизни провинциального города, понаблюдать за настроениями людей, набраться какого-то нового опыта, чтобы ни один досужий критикан не мог сказать о её публикации, что «эти москвичи ничего не знают, а берутся писать о жизни провинции». Именно в получении бесценного опыта видела Вероника смысл этого «проекта». А какие-то возможные сложности, которые могли возникнуть на тернистом пути «разведчика – нелегала», как она мысленно назвала себя, безжалостно отметала. К утру отмела совсем и позвонила Симкову.

– Пал Иваныч, я согласна.

– Ах, Вероничка – звезда! – возликовал главный, – порадовала. Молодец. А то, прямо не знал, как ребятам помочь. – И зачем-то поделился, – всё не мог понять, кто под такое дело подпишется. А ты – молодец!

«А, действительно, кто, находясь в здравом уме, ввяжется в такую авантюру? – мысленно спросила себя Вероника, ответить не смогла и подумала, – может, и зря я на это иду? – и сразу сама ответила, – может и зря». Но она привыкла не менять своих решений, данное слово держать и выполнять взятые на себя обязательства.

На это и рассчитывал Павел Иванович, поскорее решил закрепить успех, не откладывая дело в долгий ящик и, сразу переходя на командный тон, сказал:

– Жди звонка, сейчас я получу директивы и тебе перезвоню.

Директивы не заставили себя ждать. Вероника, под руководством своего бывшего начальника, должна была прибыть на инструктаж. Почему-то инструктировать нового «внештатного» сотрудника в лице Вероники Галактионовой, должны были на дому у одного из кураторов «проекта». На вопрос «почему на дому, а не в следственном комитете» или ещё каком-то присутственном месте, Вероника получила достаточно лаконичный ответ: «чтобы исключить возможность утечки информации».

Куда может «утечь» информация из стен, правоохранительного учреждения Вероника не очень представляла, но спорить не стала и поехала на «деловое свидание».

Куратором проекта оказался молодой парень, по виду школьник, со старорежимным, как сказала бы Вероникина прабабушка, именем Матвей Захарович. Правда «школьник» – Матвей Захарович, моментально предложил называть себя просто Мотя и кинул на Веронику столь заинтересованный взгляд, что она сразу поняла, что парень – гусар, во всех проявлениях этого «многоликого» слова.

Мотя сообщил Веронике всю информацию, которой на данный момент располагал, задал какие-то причитающиеся в данном случае вопросы, получил все необходимые ответы. Сказал,

что теперь доложит всё начальству. И после утверждения Вероникиной кандидатуры, в утверждении которой он, безусловно уверен, будет разработана легенда, по которой сотрудник, будет внедрен на «объект».

Веронике вся эта история всё больше не нравилась, но она убедила себя, что обратного пути нет и нужно себя не накручивать и постараться, надвигающуюся командировку, пережить.

Как и обещал куратор, кандидатуру Вероники Галактионовой начальство без колебаний утвердило, и он снова вызвал её на инструктаж. Вероника приехала к нему одна, Павел Иванович сопровождать её отказался, и, видимо, в силу не слишком хорошего воспитания и дурного характера, заявил, что у него есть куча других неотложных дел, кроме сопровождения госпожи Галактионовой. Вероника посмеивалась, Пал Иваныч ещё и так слишком долго продержался, изображая «ручного зверька».

Перед тем, как посетить любезнейшего Матвея Захаровича, Вероника заехала в указанный куратором салон, покрасила волосы, сделала стрижку. В салон заходила брюнетка с длинными каштановыми волосами, а вышла блондинка с короткой стрижкой. Волосы было немного жаль, но Вероника махнула на это рукой, в конце концов, она довольно часто меняла причёски и решила, что это просто ещё одно небольшое изменение облика и только.

В салоне была фотостудия, где Вероника сфотографировалась на паспорт и сразу переслала свои изображения Моте. «Забавная парикмахерская, – мысленно усмехнулась Вероника, – видимо, тоже состоит на службе в „соответствующих органах“. Всё необходимое под рукой. Смена имиджа, сразу фото на личное дело и пожалуйста, ты полностью готов к деятельности в стане врага».

– Привет, Кира, – неожиданно странно поприветствовал Веронику Мотя и протянул паспорт, на развороте красовалась только что, присланная фотография Вероники в новом цвете, и с новой стрижкой, но если верить документу, звали её совсем не Вероника Сергеевна Галактионова, а Кира Николаевна Зерникина.

– Ну, как? – поинтересовался Матвей, – совершенно настоящий документик. – И гордо добавил, – не то, что наши «клиенты», вечно какую-то липу стряпают.

– А, что имя такое неинтересное? – спросила Вероника.

– Ну, если тебе не нравится, это не значит, что оно не интересное, – обиделся Мотя.

– А фамилия, что такая сельскохозяйственная? – ещё раз задала вопрос Вероника.

– Ну, на тебя не угодишь, – проворчал Матвей и протянул лист бумаги, – давай лучше бери ручку и потренируйся подписи ставить, чтобы в паспорте, как положено, расписаться.

Вероника села за стол и продолжала разглядывать паспорт.

– Давай, подписывайся, – неожиданно заторопил Матвей.

Она взяла ручку и машинально расписалась, поставив на листке свою обычную подпись.

– Что и требовалось доказать, – вздохнул Матвей и констатировал, – работа предстоит большая.

– Ой, ну надо же, – разозлилась на себя Вероника, – ведь хотела эту подпись попробовать, а написала свою.

– Вот я и говорю, сиди и подписывайся этим именем до автоматизма должно прийти. Чтобы ты и думать о себе начала, не как о Веронике Галактионовой, а как о Кире Зерникиной.

– Как же я могу от имени этой Киры о себе думать, если ничего о ней не знаю.

– Ты, вот это прочитай и всё узнаешь, – Мотя протянул мелко напечатанные листы.

– Это, что ещё за писанина?

– Это не писанина, а твоя биография, от «а» до «я». Все основные события в жизни. И план действий, на ближайшее время, как мы называем план – легенда. Советую отнестись серьёзно и проштудировать документ досконально.

– Простудирую, что мне остаётся, – вздохнула Вероника, складывая в сумку «свою новую жизнь».

– Тебе, кстати, очень идёт быть блондинкой, – сделал комплимент, провожая её Матвей.

– Да? – бросила взгляд на себя в зеркало Вероника, – лучше бы была брюнетка и осталась дома. Что-то мне кажется, зря я ввязалась в эту авантюру.

– Не поздно отказаться, – сухо сказал куратор.

– Поздно. Я не привыкла людей подставлять.

– Ты молодец, что не отказываешься. Очень нам поможешь. Мы на тебя возлагаем большие надежды.

– Я бы очень сильно на это не рассчитывала, – засмеялась Вероника, – ладно, пока, – махнула рукой и побежала вниз по ступенькам.

– Кира! – крикнул ей вслед Матвей.

Вероника обернулась:

– Проверяешь? – усмехнулась она, ещё раз махнула рукой и исчезла за лестничным поворотом.

Глава 7. Биография Киры Зерникиной

У Киры было много общего с Вероникой. Совпадали год и месяц рождения. Разнилась только дата: у Вероники день рождения был седьмого июня, а Кира была на две недели старше и отмечала праздник двадцать первого.

Родители Вероники были преподаватели. Правда мама, когда дочери только исполнилось восемнадцать, развелась с отцом, вторично вышла замуж и давно переехала в другой город, а папа так и продолжал трудиться в Москве в ВУЗе, старательно пополняя число дипломированных специалистов страны.

Папа и мама Киры, по версии биографа тоже преподавали, работали в средней школе и оба обучали детей математике.

«Математики, – усмехнулась Вероника, – а дочурка в этой науке полный ноль». Под понятием «дочурка» в данном случае, Вероника имела в виду себя.

И действительно, в школе по точным наукам, она, как принято говорить, «успевала» не слишком хорошо. По математике и физике у неё чаще всего, в четверти выходила тройка. Как училась Кира, история умалчивала, хотя, скорее всего, гораздо лучше, раз сумела окончить школу с серебряной медалью. «А, что не с золотой? – спросила Вероника невидимого биографа, – на золото поскупилась что ли?».

Может, и поскупилась. Но, скорее всего, решили не создавать уж совсем идеальную биографию, чтобы не было диссонансом, как такая успешная и способная девочка, выросшая в Подмосковье, ни с того ни с сего, оказалась в маленьком, как говорится «забытом Богом» провинциальном городке. Наверное, поэтому «летописцы», девушку рано лишили родителей. Родители погибли в автомобильной катастрофе, в двадцать лет Кира осталась одна, но «не сбилась с курса», окончила Педагогический институт, получив диплом по специальности «Учитель русского языка и литературы». И сразу принялась усердно работать.

Вероника тоже, в своё время, окончила институт, правда её Alma Mater был не областной педвуз, а самый, что ни на есть настоящий Московский университет – факультет журналистики.

Но совпадения в биографии были, это внушало определённый оптимизм. Вероника понимала, что, не будучи актрисой, она вряд ли сумеет органично изобразить человека из другой социальной среды. В данном случае, об этом можно было не волноваться, Кира была из интеллигентной семьи, много читала, как и Вероника углублённо занималась английским языком, и в своё время, тоже посещала секцию по фигурному катанию.

«Как серьёзно подготовились, – думала Вероника, – прямо мой портрет нарисовали. Профессионалы. Ничего не скажешь. Здорово с моей биографией поработали».

Поработали, действительно, хорошо. Не учли только один момент, в повествовании о Кире Зерникиной ничего не было сказано, каким образом девушка из Подмосковья оказалась в городе, где процветала аферистская компания, куда и должна была направиться Вероника со своим журналистским расследованием.

Этот вопрос Вероника и задала куратору «проекта», когда явилась на очередной инструктаж.

– Да, что-то наши не учли, – согласился Матвей Захарович, полистав Вероникины листочки, – а ты, что по этому поводу думаешь?

– Мне кажется я, в данном случае, ничего думать не должна. Я, насколько понимаю, должна максимально «близко к тексту» выполнять ваши директивы. По крайней мере, такая мне изначально была поставлена задача.

– Права, – кивнул Мотя, – отсебятины не должно быть. Хотя, ты всё-таки мастер слова, творческий подход может быть.

– Какой мастер слова? Я учительница русского языка и литературы.

– Молодец, учительница, урок выучен отлично, – похвалил Матвей и добавил, – всё равно, когда-то придётся самой принимать решения, но это уж оставим для экстренных случаев. А тут, давай сами подумаем, что молодую женщину может заставить бросить свой дом, работу и уехать Бог весть куда. Ты, как думаешь?

– Думаю, какие-то личные обстоятельства. Там же написано, что она недавно с возлюбленным рассталась. Переживает, наверное.

– А может, боится в своём городе оставаться?

– Боится? Кого? – удивилась Вероника.

– Своего бывшего, – фантазировал Мотя, – он мерзавец оказался, преследует её...

– Убить грозит, – подсказала Вероника.

– Ну да, – радостно закивал куратор, – если к нему не вернётся. Видишь, всё как складно выходит?

«Складно-то оно складно», – думала Вероника, возвращаясь, домой. Но, с каждым днем всё больше хотелось, чтобы вся эта история закончилась. Пусть даже, и не успев, начаться.

Глава 8. Выйти замуж, чтобы ни о чём не думать

– Вероничка, можно я к тебе приеду? Поговорить нужно, – Ванин деловой тон немного настораживал, но раз надо встретиться, значит надо. Просто так, Иван бы ни за что не стал звонить почти ночью.

– Конечно, приезжай, – откликнулась Вероника и облегчённо вздохнула, Ванин приезд давал ей некую, вполне легальную отсрочку от сборов.

Выезд был назначен на послезавтра, и нужно было подготовиться: продумать, что с собой брать, подобрать и сложить вещи, постараться, чтобы их было немного, и в то же время, суметь предусмотреть всё необходимое. Сроки командировки были «плавающими», а смена времени года, как её не жди, всегда бывает неожиданной. Вероника, всё это прекрасно понимала, но, почему-то сделать первый шаг к давно открытому чемодану не могла. Уже не первый день боролась с собой, проводила воспитательные беседы, но постоянно откладывала начало этого процесса. Вот и сейчас, благодаря Ваниному визиту, появился очередной замечательный повод отложить сборы.

Чесноков появился на пороге в костюме, что бывало крайне редко, с тортом и цветами.

– Ничего себе! – оценила Вероника, – ты прямо жених какой-то.

Иван поморщился и поинтересовался:

– А что, женихи обычно являются к ночи, с тортиком и цветочками? – потом добавил, – хотя, наверное, тебе виднее, опыта-то, побольше моего.

– Побольше, – засмеялась Вероника, – побольше на одно неудачное замужество. А правда, праздник что ли какой-то?

– Ага, праздник, – кивнул Иван, – на новую работу устроился, – и протянул букет, – это тебе.

– Спасибо. Красивые цветочки. Ну, проходи на кухню, будем чай пить, и всё подробно расскажешь.

Чесноков прошёл на кухню, устроился на своём излюбленном месте и запоздало спросил:

– Слушай, а я не очень поздно? Позвонил, и только потом сообразил, что уже по гостям ходить поздновато, – забеспокоился Иван, – но, ты вроде не спала ещё?

– Не спала, – засмеялась Вероника, – а если даже и спала, то уже бы точно проснулась.

– Ну, извини, если потревожил, – «расшаркался» гость.

– Вань, да брось ты. Лучше давай, рассказывай, как ты решил наше доблестное издание покинуть. Тебя за штат не выводили, Симков тебя ценил, твои фото всегда на обложке, да на разворотах. Всё вроде хорошо было. Или я чего-то не знаю?

– Всё было действительно нормально. Даже после того, как были «всеобщие чистки», всех поувольняли, а мне хоть бы что.

– И что же ты решил уйти, раз так всё удачно складывалось?

– Работать не с кем. Людей нормальных вообще не осталось. Я давно уйти хотел. Но, что-то не подворачивалось ничего, а тут ещё Симков зарплату прибавил. Думал, раз такое дело, потерплю ещё.

– Но всё-таки уходишь?

– Ухожу. Уж больно проект интересный подвернулся.

– Какое-то издание новое?

– Нет, не издание. Это большой социальный проект. Там не только журналисты, но и киношники, рекламщики, всякие бизнес структуры задействованы. Меня отец туда сосватал, у него лучший друг во главе этого проекта. Ну и меня позвал, я и не отказался. Теперь вот договор подписал и в Питер уезжаю.

– В Питер? – удивилась Вероника, – надолго?

– Пока на полгода, может дольше, как пойдёт.

– Ты же говорил, что без Москвы не можешь, что она тебе творческие силы даёт и на работу мотивирует.

– Ты меня прямо, как классика, цитируешь, – засмеялся Чесноков.

– Ну хорошо же сказал, даже я поверила.

– А, я от своих слов и не отказываюсь. Контракт я пока на полгода подписал, а там видно будет. Но проект интересный и дело для меня новое. Невозможно же, всё время в одном котле вариться. Или ты считаешь, что я не прав?

– Что ты, Ванечка, если интересное дело, то обязательно нужно попробовать, чтобы потом себя не корить за то, что не пошёл. – Это она сказала, скорее себе, чем Ивану. Потому что, конечно, он в подобных уговорах нуждался гораздо меньше, чем она сама. – Так что поздравляю! Желаю удачи! И чтобы всё складывалось, как запланировал.

– Вероника, я собственно приехал, чтобы с тобой поговорить ещё вот о чём... – Ваня взял мхатовскую паузу и надолго замолчал. Не дождавшись информации, о чём Иван хотел ей поведать, Вероника собралась уже задать другу наводящий вопрос, но он, видимо, собрался с мыслями и продолжил сам, – дело в том, что я уезжаю и хотел позвать тебя поехать со мной.

– Что значит поехать с тобой? – переспросила Вероника.

– Ну, – замаялся Иван, – ты же сейчас нигде постоянно не работаешь, по крайней мере, занята не сильно.

– А театр? – спросила Вероника.

– Театр не в счёт, – отмахнулся Иван, – сама говорила, что это не твоё дело. И раз тебя здесь особенно ничего не держит, ты легко сможешь что-то поменять в своей жизни и поехать со мной.

– Вань, какая-то странная идея. Ты мне работу, что ли предлагаешь?

– Нет, не работу, – замотал головой Иван, – пока, по крайней мере.

– А тогда, в качестве кого, я должна с тобой ехать? Бесплатного приложения к ценному сотруднику?

– Ты сама прекрасно знаешь, – проворчал Иван, – не делай, пожалуйста, вид, что тебе что-то непонятно.

– Вань, – Вероника посмотрела на друга, – давай закончим этот разговор, тем более, мне кажется, он совершенно бессмысленным.

– Почему бессмысленным? Нормальный разговор. Я предлагаю тебе поехать со мной, если тебя волнует, в каком статусе ты поедешь, то предлагаю, в качестве моей жены. Мне кажется, в другом городе мы гораздо легче сумеем адаптироваться к новым условиям жизни и к новым отношениям.

Ванькино предложение Веронике ни сколько не удивило. Он не один раз намекал ей, что не отказался бы, связать жизнь с женщиной, как он всегда говорил: «похожей на тебя». И она понимала, что стоит ей захотеть, для них тут же зазвучит марш Мендельсона. Но она слишком ценила их доверительные, дружеские отношения, чтобы менять их на что-то другое. И о подобных изменениях даже не думала.

Сейчас впервые, пусть и только в мыслях, дрогнула и предложила сама себе: «А что, может попробовать? Согласиться на Ванькино предложение. Выйти замуж. И в статусе мадам Чесноковой отправиться в Питер. А самое главное, отказаться от „разведывательной деятельности“ и избавиться себя от неоднозначной командировки».

Но, конечно, подобные мысли были мгновенно изгнаны, не таким была человеком Вероника Галактионова, чтобы совершить такой малодушный поступок. И она сказала, но совсем другое:

– Вань, понимаешь, я всегда тебя считала настоящим другом. До того момента, как мы с тобой познакомились в институте, я даже мечтать не могла, что рядом со мной будет такой верный, открытый, понимающий человек. Я, как-то сразу, это поняла. Почувствовала, что всегда смогу на тебя положиться, и уверена, что ты думаешь, обо мне точно так же. Но, это не любовь, Вань. Я уже ошиблась один раз, приняв за любовь что-то другое, даже не знаю что, точно не любовь. А, что из этого вышло ты сам знаешь. И я не хочу, чтобы мы оба совершали такие ошибки. Мы ещё достаточно молодые люди и имеем право надеяться на счастье. И оно у нас обязательно будет, Вань. Я в это верю.

В этот момент, она действительно верила в то, что говорит. И почему-то именно после этих слов ей вдруг стало как-то легче. Куда-то отступили сомнения о принятом решении и о предстоящей необычной командировке.

Но, новоиспеченный соискатель руки и сердца, видимо придерживался другого мнения. Вероникины доводы его нисколько не убедили, и он подошёл «к проблеме», как ему показалось с другой стороны.

– Если ты меня не любишь, то не решай за нас обоих.

– Ванечка, пожалуйста, давай не начинать новый раунд переговоров и выяснять, кто кого любит, а кто кого нет. Я тебя очень люблю, но как друга, а дружеского, даже партнёрского брака я не хочу. Я верю, что любовь обязательно придёт и к тебе, и ко мне. – Вдруг Вероника вспомнила про девушку, с которой Чесноков встречался уже не первый год, – Вань, ты строишь какие-то планы на свою личную жизнь, а как же твоя Юся?

– А, что Юся?

– Ну она, по-моему, очень активно, что-то планирует на твой счёт.

– Зато я не планирую, – безразлично сказал Иван, – я даже о том, что уезжаю, ей не сказал.

«Странный народ эти мужики, – подумала Вероника, – даже самый порядочный их представитель, ведёт себя, как последний дикарь, если не сказать большего... Но, в конце концов, меня это не касается. Это пусть Юля рассуждает на тему, устраивает её или нет, такое отношение».

– Вань, а я ведь тоже на новую работу иду и тоже в длительную командировку уезжаю, – перевела разговор в более безобидное русло Вероника.

– А, что не сказала?

– Вот, говорю.

– Что за работа?

– Некое журналистское расследование. Если всё сложится, может получиться очень интересный материал. Подробности рассказать не могу, дала слово о неразглашении.

– Тайны следствия? – усмехнулся Иван.

– Ну, вроде того.

– Куда едешь, конечно, тоже не скажешь?

– Конечно, не скажу, – засмеялась Вероника.

– Ну, а хоть когда? В этом же вряд ли, есть какая-то тайна?

– Нет, не тайна, – Вероника посмотрела на часы, – ты не поверишь, уже завтра. А я ещё даже не начала собираться.

Чесноков понял, что аудиенция окончена и нужно отправляться домой. Уходя, напоследок спросил Веронику:

– Может тебя проводить?

Она покачала головой:

– Спасибо, меня работодатели проводят, – это была чистая правда, такую Вероника получила директиву от куратора.

– Понятно, – протянул Иван, потом сказал, – Вероник, ты всё-таки, подумай над моим предложением, я буду ждать.

Вероника промолчала, она понимала, что думать тут не о чем, да и ждать, в общем, нечего.

Совсем в дверях Чесноков ещё раз приостановился, посмотрел на Веронику, как будто только сейчас её увидел и сказал:

– А, что ты волосы отрезала и в блондинку перекрасилась?

– Да сама не знаю. Захотелось каких-то кардинальных перемен, – не совсем честно ответила Вероника и посмотрела на себя в зеркало, – что совсем плохо?

– Тебе раньше лучше было.

– Да, я знаю, мне самой так не нравится, но волосы обратно не приклеишь. Можно нарастить, но зачем и сами отрастут.

– Не переживай, – засуетился Иван, – так тоже неплохо.

– Да я не переживаю, было бы о чём.

– Ты мне хоть пиши, – никак не мог распрощаться Чесноков.

Вероника обещала, что обязательно будет писать, заручилась обещанием, что и он ей обязательно напишет, закрыла дверь за несостоявшимся женихом, вздохнула и, наконец, пошла собираться.

Глава 9. Начало сложных дел

«Тускло, безрадостно, серо», – промелькнули в мыслях у Вероники три слова, когда она вышла из московского поезда на перрон города, где ей предстояло провести ближайшие несколько недель.

Если бы она взялась вести путевые заметки, то именно так начала бы описание города: «тускло, безрадостно, серо» и не было у этого серого, никаких оттенков. Он был однозначно, даже безнадежно серый и никаких других ассоциаций не вызывал. Стало совсем грустно и очень сильно захотелось домой. Но поезд умчался, увозя с собой надежду на возможность отступления. Обратного пути не было.

– Ты Кира? – спросил верзила, которого Вероника почему-то сразу заметила, когда только сошла с поезда.

В тот момент парень сидел на противоположной стороне платформы, преспокойно грыз семечки и не обращал на московскую гостью никакого внимания. «Явно не он, – тогда подумала Кира-Вероника, – не может у человека, сотрудничающего с полицией быть такого асоциального вида. С другой стороны, почему не может? Такому „славному парню“ гораздо легче втереться в „банду“, – как мысленно называла вновь прибывшая девушка, компанию, куда планировала поступить на работу.

Оказалось, что парень и был именно тем человеком, кто должен был её встретить. Он, видимо, специально подождал, чтобы народ с платформы разошёлся, и можно было наверняка подойти к нужной ему пассажирке. Хотя, на самом деле, он её сразу узнал, и необходимости сверяться с присланными фотографиями, не было.

– Ты Кира? – спросил встречающий.

– Да, добрый день, – приветливо кивнула Вероника.

– Ну, пойдём, – скомандовал парень и, как пушинку, подхватил Вероникин довольно объёмный чемодан.

– Он на колёсиках, – Вероника кивнула на чемодан, – можно не тащить, он не слишком лёгкий.

– Нетяжёлый, – возразил парень. – А потом, сейчас в город выйдем, все твои колёсики и отвалятся. – Усмехнулся и гордо добавил, – у нас, знаешь, какие дороги – жуть!

– А мы, что пешком пойдём? – осторожно поинтересовалась Вероника, с первых минут «насладившись» качеством городских дорожных покрытий.

– Да тут рядом, – успокоил парень. – Ты жить будешь вон в том доме. Он, считай, ближайший к вокзалу и контора ваша на соседней улице располагается, – и повторил, – всё рядом.

«Каблуки придётся временно оставить», – мысленно простилась Вероника, со своей любимой обувью. В этих безрадостных мыслях, хоть как-то успокаивало только слово «временно».

– Вот и пришли, – провозгласил парень, останавливаясь перед подъездом кирпичной четырехэтажки дохрущёвских времён. – Четвертый этаж, квартира двенадцать, – и протянул ключи, – сама поднимешься или помочь? – потом, не дав Веронике ответить, продолжил, – ладно, давай поднимусь с тобой. А то твоя бандура, – он фамильярно ткнул Вероникин чемодан, – и правда тяжелая штука. Что ты там кирпичи, что ли носишь?

– Да нет, в общем, самое необходимое взяла, а набралось много. Ведь не на один день сюда приехала. Извини, что тебя нагрузила.

– Да ладно, – отмахнулся парень, открывая дверь квартиры, – проходи. – И вдруг заторопился, – короче, пошёл я, дела кое-какие имеются. А ты располагайся. В холодильнике еда, всё свежее не боись не отравишься, сам покупал. Отдыхай, короче. Вечерком зарулю.

– Спасибо, – кивнула Вероника, – а, как мне к тебе обращаться? А то мы, что-то даже с тобой не познакомились.

– Называй меня Джин.

– Джин?! – удивлённо протянула Вероника, – какое-то странное имя.

– Это не имя, – хмыкнул новый знакомый, – это кличка. А какое у меня имя, я уж и сам забыл, – и усмехнулся, – может, вспомню, когда. А, может, уж и не судьба. Ладно, пойду.

Джин направился к двери и снова вернулся:

– Забыл, вон телефон твой лежит, деньги на симке есть. Номер мой забит. А свою московскую трубку с собой не таскай, ни к чему это.

– Я, что-то за телефон и за продукты должна?

– Не-е, – заржал Джин, – всё за счёт фирмы. Ну всё, пока. Вечером зайду.

Новый знакомый, наконец, ушёл. А Вероника начала знакомство со своим вынужденным пристанищем.

Квартира была однокомнатной, не большой, с микроскопической кухней, и таким же игрушечным санузлом. Радовало только, что всё это архитектурное «великолепие» было свежеремонтированным, чистым, а малышка – кухня изобиловала богатым ассортиментом бытовой техники. Это техническое роскошество, так не вписывалось в более чем скромную городскую реальность, что Вероника даже улыбнулась: «если тут, так встречают, вновь прибывшую сотрудницу, значит она здесь действительно нужна и всё не зря».

Обследовав кухню, Вероника включила чайник и прошла в комнату. Обратила внимание, что на кровати лежат два новых запечатанных комплекта постельного белья.

«Просто хорошая гостиница», – отметила для себя гостеприимство, принимающей стороны. Настораживало только то, что комплектов было два, значит на быстрое завершение командировки, рассчитывать не приходилось.

Но Вероника постаралась об этом не думать и включила ноутбук. Компьютер загрузился и сразу сообщил, что имеется доступная сеть Wi-Fi, только, как водится в «приличных домах», она была защищена паролем.

«Нужно, будет у Джина узнать, как добраться до интернета, а то скоро, наверняка, придётся отчеты писать, нужно быть во всеоружии», – подумала Вероника.

Но, ни у кого ничего спрашивать не пришлось, под телефоном лежал лист бумаги, на котором старательным, каким-то ученическим почерком, была выведена вся необходимая Веронике информация, начиная с пароля на вход в интернет и заканчивая адресом квартиры, где поселилась московская гостья.

«Ну, Джин! – восхитилась Вероника, – полностью оправдывает свое волшебное прозвище».

Волшебник – Джин появился вечером, почему-то с огромным арбузом в руках, хотя время года было уже далеко не арбузное.

– Во, чё принёс! – просиял Джин, появившись в дверях.

– Откуда ягодка? – удивилась Вероника, – вроде же не сезон.

– Взятка, – хихикнул новый приятель, – на самом деле, тут есть одни ребята, очень здорово умеют арбузы хранить, на новый год распродают и всегда в барыше. Ща попробуем.

Джин плюхнул здоровенную ягоду на кухонный стол и, вооружившись под стать ему огромным ножом, начал разделять полосатого монстра.

Арбуз оказался действительно вкусным, сладким и, непонятно почему, Веронике показалось, что от него повеяло домом, хотя Москву нельзя было назвать арбузным краем. От этого ощущения стало грустно. Но, она всегда старалась «держать лицо», поэтому мило улыбнулась Джину и похвалила:

– Хороший арбузик!

– Я рад, что тебе понравилось, – ответил Джин каким-то несвойственным ему тоном, как, будто на мгновение вышел из образа, но через секунду, как бы спохватившись, вернулся в условленные рамки роли.

«Видно и он, не тот за кого себя выдаёт», – подумала Вероника, и почему-то от этой мысли на одну минуту стало легче.

– Завтра на работу идёшь устраиваться, – сообщил Джин, – в одиннадцать часов ихняя старшая тебя ждёт. Тут близко. Из подъезда выйдешь, направо до перекрёстка. Дорогу перейдёшь и вдоль длинного дома кирпичного иди, там парикмахерская, за парикмахерской арка, ты туда и ныряй. Из арки выйдешь, и направо дверь со звонком. Это как раз та самая контора и есть.

– А к кому я? Что мне спросить?

– Ничего не спрашивай. Придёшь, скажешь, что ты от меня. Тебя проводят.

– Так и сказать, от Джина? – уточила Вероника.

– Ясное дело, а как же ещё, – ухмыльнулся вышеназванный Джин, – меня тут все хорошо знают.

– И уважают, – подсказала Вероника.

– Не без этого, – хмыкнул Джин.

Глава 10. Агентство широкого профиля

Утром Вероника собралась, максимально заранее вышла из дома, чтобы ни в коем случае не опоздать. Она сама терпеть не могла опаздывать и решила, что её героиня Кира Зерникина, тоже должна отличаться пунктуальностью.

Добравшись, до описанной Джином двери со звонком, Кира-Вероника посмотрела на часы, поняла, что пришла на пятнадцать минут раньше, но догуливать до назначенного часа не стала и нажала на звонок. Дверь издала какой-то шелчок, распахнулась, на пороге стоял мрачноватый охранник. Парень смерил Веронику каким-то, как ей показалось, недружелюбным взглядом и отрывисто спросил:

– Вам чего?

«Ничего себе людей встречают, – подумала журналистка, – так можно всех клиентов распугать». Вероника тогда ещё не знала, что вход был служебный, а с обратной стороны здания на главном входе, имелась и стойка ресепшн, и радушный персонал, и улыбки, и предложения чая-кофе, и всё, что полагается в приличной компании, представляющей сферу обслуживания.

Вероника улыбнулась «стражнику» и сказала:

– Доброе утро. Я от Джина, у меня назначено на одиннадцать часов.

– Проходи, – сразу перешел на «ты» охранник, – паспорт давай, запишу.

Вероника протянула паспорт на имя Киры Зерникиной, воспользоваться документом пришлось впервые, и было как-то волнительно. Но страж местного порядка, естественно, ничего не заподозрил. Безразлично полистал книжечку, записал необходимые данные и протянул паспорт Веронике.

– На второй этаж поднимайся, комната 213.

Лестница была довольно крутой, выщербленной и явно не была предназначена для приёма клиентов, с которых наверняка хочешь содрать приличный куш за свои сомнительные услуги. То, что услуги сомнительные, Вероника была уверена, потому что, не стали бы правоохранители прибегать к таким сложным комбинациям с переодеванием и нелегальным журналистским расследованием, чтобы поймать мелких аферистов.

«Вход, наверное, чёрный», – подумала Вероника. И мгновенно убедилась в этом, как только открыла дверь и оказалась в коридоре второго этажа. Вот, где было всё сделано так, чтобы человек, оказавшийся здесь впервые, мгновенно почувствовал себя, как говорится «в своей тарелке». И мягкие ковровые дорожки, и неброский бежевый цвет стен, и чуть слышная музыка – вся обстановка располагала к умиротворённому спокойствию.

Вероника подошла к двери с номером 213, постучала и заглянула внутрь. Скорее всего, это помещение выполняло в агентстве функции приёмной перед кабинетами местного начальства. На полу лежал круглый ковёр, стоял журнальный столик, вокруг диван и мягкие кресла. «Прямо гостиная в приличном доме, – оценила Вероника, – здесь, наверное, и происходит обработка, волею судьбы занесённых к ним несчастных клиентов».

– Доброе утро, – поздоровалась Кира – Вероника с девушкой, восседавшей на возвышении за огромным столом, напоминающем айсберг или уж на худой конец, стойку ресепшн в гостинице, а не рабочее место секретаря скромного провинциального агентства.

Хозяйка стола – айсберга, просияла и побежала навстречу гостье.

– Доброе утро, очень рада, – щебетала девица, – чем могу помочь?

– Я от Джина, – произнесла Вероника, заученную фразу, – у меня назначена встреча.

– А-а, – протянула секретарь, мгновенно меняя свою заученно лучезарную улыбку, на довольно приветливое, но всё же, более безразличное выражение, – да, я в курсе. Вот в той комнате подожди, – девушка тоже сразу перешла на «ты» и указала на неприметную дверь,

на противоположной стене, которую посетительница сразу не заметила, – проходи. Пойду, доложу.

Секретарша вышла. Вероника огляделась. Комната была меленькой, узкой, похожей на пенал. У стен стояли стулья.

«Видимо, это, то самое место, где соискатели места ожидают приглашения на собеседование», – подумала Кира-Вероника, опустила на стул, собираясь тоже начать ожидать. Приглашение не заставило себя ждать, секретарь появилась минут через пять, правда появилась не через ту дверь, которая вела в приёмную. А через другую, тоже какую-то маленькую и незаметную.

– Пошли, – поманила секретарь.

Вероника последовала за ней. Девушки вышли в «незаметную» дверь и оказались в коридоре. Только коридор был совсем другой, не было ковра, не играла музыка, стены были выкрашены в какой-то, как решила Вероника, тюремный зелёный цвет. Откуда она взяла этот «тюремный зелёный» она сама объяснить себе не могла, но почему-то была уверена, что в тюрьме стены должны быть такими безысходно зелёными. На двери, из которой вышли секретарь и Кира Зерникина, тоже красовалась цифра 213, но написать, что она «красовалась» у Вероники рука бы не поднялась. Нечему было красоваться, это был обычный пластмассовый номер квартиры из ближайшего хозяйственного магазина.

– А почему ты через гостевой коридор проходила? Тебе разве Степанов не сказал, что персонал по внутренним коридорам ходит?

– Степанов – это охранник? – уточнила Вероника.

Секретарь кивнула.

– Он мне только сказал, что второй этаж и номер комнаты назвал.

– Полу-учит, – пообещала секретарь, – должен был сказать, что на второй этаж и дверь не прямо, а налево. Ты сразу это запомни, если собираешься здесь работать. У нас правила очень строгие.

– Хорошо запомню.

– Прходи, – секретарь толкнула ещё одну неприметную дверь и сказала, чуть повысив голос, – Дарина Дормидонтовна, мы пришли.

– Входите, – откликнулись из-за двери.

Вероника оказалась в комнате, никак не похожей на кабинет бизнес-леди, это скорее была скромная гостиная в среднестатистической квартире, хозяйка поливала цветы и не обращала на вошедшую Киру-Веронику никакого внимания. Журналистка вошла в комнату одна, потому что секретарша, проводив посетительницу, мгновенно ретировалась. Наконец, Дарина Дормидонтовна полила цветы, поставила на подоконник синюю старомодную лейку, села на диван и стала, не здороваясь и не приглашая присесть, разглядывать свою посетительницу, которая по-прежнему стояла у дверей.

Веронике в какой-то момент, показалось, что мадам-начальница своим пристальным взглядом собирается просверлить в ней отверстие, чтобы получше рассмотреть её мысли.

– Джина давно знаешь? – наконец прервала молчание Дарина Дормидонтовна.

Вероника точно не знала, что должна отвечать на этот вопрос, как-то история её знакомства с Джином вообще не рассматривалась. Пришлось тут же начать импровизировать:

– Несколько лет.

– Где познакомились?

«А действительно, где?» – спросила себя Вероника и ответила первое, что пришло в голову:

– В Москве.

Эта версия оказалась более чем удачной, Дарина тут же на неё отреагировала.

– Да, его хлебом не корми, дай в Москву сгонять. В нашем городе ему тесно, ему столичной жизни подавай, – оценила Дарина и задала очередной «неудобный» Веронике вопрос, – спишь с ним?

«Ну и что тут нужно отвечать, как лучше, сплю или не сплю?», – не могла договориться с собой Вероника. Её молчание, видимо, было расценено, как девичья скромность, хозяйка смилостивилась:

– Ладно, можешь не отвечать, проходи, садись.

Вероника прошла и присела на указанный ей стул. Дамы не успели продолжить разговор, когда дверь распахнулась, и в комнату влетела молодая девица. Барышня вбежала без доклада, подлетела к Дарине и, не обращая внимания, на посетительницу, чмокнула в щёку. С первых секунд было понятно, что девушка, конечно, имеет право на подобную фамильярность.

– Мам! – завопила пришелица, – дай денег, Ленка колечко принесла, золотое, Булгари. Прикольное. Мне денег не хватает.

– Зоя я тебя тысячу раз просила не врываться, когда я с человеком разговариваю.

– С человеком? – девица, видимо, усомнилась, что посетительница подходит под это определение и скользнула по Веронике безразличным взглядом. Но, вдруг, в глазах появился интерес, Зоя уставилась на мамину посетительницу, – мам, посмотри, как она похожа, ее, же даже гримировать не придётся. Сходство потрясное. Ты заметила?

– Заметила. Зой, давай мы наши внутренние дела при посторонних обсуждать не будем.

– Не будем, не будем, – засмеялась дочь, – так денег дашь?

– Сколько?

– Да мелочь, двести пятьдесят.

– Неслабо, – отреагировала мать, – вообще не пойму, откуда у твоей Ленки, Булгари?

– Отец привёз.

– А, что продаёт?

– Велико и деньги нужны. Ну, мам, – заканючила Зоя, – я тебе с нового проекта сразу отдам.

– Ладно, иди к Иванцову, он тебе выдаст, я распоряжусь.

– Спасибо, мамулечка, – заверещала девица, ещё раз чмокнула мать и улетела.

«Мамуля» дала необходимые распоряжения вышеназванному Иванцову и снова обратила внимание на Веронику, терпеливо ожидающую аудиенции, спросила:

– Так на чём мы остановились? – и, не дожидаясь ответа, сама продолжила, – мы остановились на том, спишь ли ты с Джином, впрочем, это не важно. Он просил взять тебя на работу, отказывать ему я не хочу. Поэтому, давай попробуем.

– Спасибо, – поблагодарила Кира-Вероника и честно призналась, – мне очень нужна эта работа.

Она не кривила душой, оказаться в агентстве было необходимо, и получить место она должна была, обязательно.

– А, что ты делать умеешь? – поинтересовалась мадам-начальница.

«Вот и пригодится биография Киры Зерникиной, – обрадовалась Вероника, – не зря изучала».

– Я педагогический институт закончила, в школе работала.

– Ну, это тебе вряд ли пригодится, – сказала Дарина и посетовала, – жаль, актёрского образования нет. Ну, да ладно, решим, как тебя использовать. Документы с собой? – Вероника кивнула. – Прекрасно. Сейчас пройди в сто одиннадцатую комнату на первом этаже к Николаю Иванцову, он всё что нужно запишет, потом можешь идти. А завтра тебе позвонят. Телефон свой Иванцову оставь.

Вероника снова кивнула, потом спросила:

– А в сто одиннадцатую комнату по внутреннему коридору пройти можно?

– Можно конечно, сейчас выйдешь отсюда и направо до конца, и по лестнице вниз.

– Спасибо, – закивала Кира, – я знаю, что тут такие правила, сотрудники должны перемещаться по внутреннему коридору и пользоваться служебным входом.

– Правила, которые нужно исполнять неукоснительно. Рада, что ты это сразу усвоила.

– Конечно, – продолжала услужливо кивать новая сотрудница. В этот момент она почему-то испытывала по отношению к себе, вернее скорее к Кире, мягко сказать неприязнь, а скорее просто отвращение. Успокаивало только то, что сейчас перед этой не самой симпатичной тёткой лебезит не Вероника Галактионова, а Кира Зерникина. В конце концов, чего не сделаешь для пользы дела.

– Ну хорошо, иди, – отпустила начальница.

Кира-Вероника рассыпалась в благодарностях и отправилась, как ей казалась оформляться на работу. Но оформление свелось к тому, что пожилой бесцветный дядька, похожий на бухгалтера, как показывали в старых советских фильмах, посмотрел и скопировал её, вернее Кирина паспорт, спросил, где их новая сотрудница проживает, велел оставить номер телефона, сказав, что завтра ей позвонят, и отпустил с миром.

Вероника была разочарована. Мгновенно узнать все тайны агентства не удалось, хотя, конечно, она особенно на это не рассчитывала. Думала, а вдруг произойдет чудо, и её сразу запустят в эпицентр какой-нибудь хитроумной схемы. Но чуда не произошло, и Вероника отправилась домой, вернее, в квартиру у вокзала, которую она вынуждена была сейчас называть домом.

Первый отчёт, который она направила куратору Матвею Захаровичу, был крайне лаконичен: «В агентстве была, собеседование прошла. Завтра должна получить информацию, на каком участке меня планируют использовать».

Глава 11. Один в один или точь в точь, кому как больше нравится

Долго ждать информацию не пришлось, на следующей же день, Кире Зерникиной надлежало явиться в агентство и получить, так ожидаемый ею «фронт работ». Этот самый «фронт» был достаточно странный и довольно неожиданный. Вместо того, чтобы вооружить новую сотрудницу какими-нибудь бумажками, которые нужно раскладывать в строго определённом порядке или направить её, подавать клиентам кофе или ещё куда-нибудь направить. Киру почему-то отправили к гримёрам-стилистам, которые не один час колдовали над её лицом и волосами, мерили парики, пробовали макияж, прикидывая какой ей, в дальнейшем, будут делать грим и создавать образ. Зачем эти ухищрения, и какие на неё имеются виды, новой сотруднице не объяснили, да собственно, вообще ничего не объяснили, на неё просто не обращали внимания. Девушки – стилистки вели себя так, как если бы в их руках был неодушевлённый предмет, делали свою работу и безумолку болтали между собой:

– Овал лица менять не будем, по-моему, имеющийся идеально подходит, – сказала одна из девиц, провела тыльной стороной руки по подбородку своей модели и удовлетворенно взглянула на фотографию, прилепленную к зеркалу.

На фотографии была молодая женщина, может быть, чуть старше Вероники, действительно здорово на неё похожая. Вернее, женщина на фотографии была похожа не на саму Веронику, а скорее сильно напоминала блондинку Киру Зерникину. Хотя, черты лица бесспорно объединяли всех троих.

– Да, овал лица переделывать не будем, – согласилась вторая девица, которая в этой паре явно числилась начальником. Была она крошечного роста, худенькая, с длинным острым носиком и напоминала высохшую древнюю старушку. Хотя, скорее всего ей было от силы лет тридцать.

«Баба Яга в молодости», – нарекла Вероника этого персонажа и продолжила внимательно слушать трёп стилисток. Очень хотелось задать вопрос, зачем дамам нужно добиться портретного сходства Киры-Вероники с этой незнакомой тёткой, но спрашивать она ничего не стала, боясь спугнуть разговорившихся профессионалок. Веронике казалось, что если их не тревожить и тихо сидеть, изображая манекен, можно почерпнуть из их беседы какую-то интересную информацию.

– Губы только более тонкие нужно сделать, – сказала Баба Яга.

– Губы не проблема, – поддержала «старушку» её товарка.

«Такие губы сейчас не носят», – вспомнила Вероника фразу гримёрши в исполнении Рины Зелёной из знаменитой Александровской «Весны» и представила, как сейчас стилистки будут прикладывать ей к лицу варианты губ и смотреть подходят они или нет. В ушах снова прозвучал голос знаменитой актрисы: «Средняя пухлость, сексапил №1». Ничего подобного произнесено не было, а прозвучало совсем другое:

– Ещё помаду нужно совсем тёмную, фиолетовую подобрать, – распорядилась Баба Яга.

– У нас совсем тёмной нет, – отрапортовала подчинённая, – можно и не обязательно, чтобы в ноль совпадало.

– Нет, нужно, чтобы совпадало, – заупрямилась Баба Яга и наставительно добавила, – уж, если берёшься за работу, нужно делать её качественно. Так что завтра придётся съездить и купить. – И дальше она сказала фразу, от которой у Вероники тревожно застучало в висках, – ты же помнишь, как Дарина сказала, что он десять раз повторил, что она лежала в гробу со своей любимой фиолетовой помадой на губах, и он ей в гроб такую же положил.

– Чтобы она там себя не запускала, – хмыкнула вторая девица, – и могла подкраситься в любой момент. Ладно, съезжу завтра. Ещё же, насколько помню, халат белый нужен.

– Халат я заказала, чтобы сшили. Он не совсем белый. Не как у врачей, а серебристый такой. Саван напоминает. Наверное, уже готов, зайди, забери. – И, наконец, обратилась к безмолвной модели, – всё, ты свободна. Завтра к трём часам ждём. И в двести тринадцатую зайди, тебя там Анна должна проинструктировать.

– Только внутренним коридором иди, – напомнила помощница Бабы Яги.

– Я помню, – кивнула Вероника и отправилась на очередной инструктаж.

Вероника прошла по служебному коридору, пересекла «мини зал ожидания», как она нарекла комнатёнку, где сидела перед аудиенцией начальства, и заглянула в приёмную.

– Аня, мне девочки – стилистки сказали к тебе зайти, – Вероника не очень любила «тыкать» малознакомым людям, но здесь это было принято и нужно было стараться соответствовать общепринятым правилам.

– Да, – секретарь прыгнула со своего айсберга, – это не я, а Дарина Дормидонтовна хотела с тобой поговорить. Сейчас, я ей доложу. Посиди пока там, – Аня кивнула в сторону комнаты, через которую только что проходила Вероника.

«Мини зал ожидания», как всегда встретил безлюдьем и тишиной, но это было всё равно лучше, чем неумолкаемая болтовня Бабы Яги и её товарки. От их трескотни у Вероники в какой-то момент разболелась голова и сейчас несколько минут посидеть в тишине было даже приятно. Но, долго расслабляться не пришлось, Аня позвала на разговор к начальнице.

Дарина Дормидонтовна сидела на диване, листала глянцевого журнала. Веронике в первый момент показалось, что она перелистывает страницы издания, где она раньше работала. «Разоблачили», – мелькнула неприятная мысль. Но, как известно «у страха глаза велики», ощущение было ложным, журнал был совсем другим, и госпожа начальница могла его совершенно спокойно смотреть, без ущерба для своей новой сотрудницы.

– Проходи, садись, – пригласила Дарина, – девочки мне доложили, что подобрали тебе грим и костюм.

Кира-Вероника кивнула.

– А почему ты не спрашиваешь, зачем всё это? – поинтересовалась начальница.

– Я думаю, придёт время, Вы мне сами всё объясните.

– Правильно. Я люблю людей, которые не задают много вопросов, а довольствуются информацией, предназначенной для них на данном этапе. То, что я тебе сейчас скажу, это та информация, которую ты должна знать.

«Наконец, сейчас, что-то интересное для меня прозвучит», – подумала Вероника и приготовилась слушать, чтобы ничего не упустить, жалея о том, что нельзя включить диктофон.

– Должна тебе сказать, – начала Дарина, – что мы никогда не доверяем новобранцам такую работу, которая будет доверена тебе. Не принимай это на счет своих талантов, о них мы пока не знаем.

«А, у меня нет никаких особенных талантов», – хотела сказать Вероника, но благоразумно промолчала.

– В этот раз нам придётся поступиться некоторыми своими принципами потому, что ты очень подходишь по облику для нашего нового проекта.

«Боже мой, как высокопарно звучит, – думала Вероника, – какую-то готовящуюся аферу „проектом“ величают».

– Внимательно послушай, – продолжила Дарина Дормидонтовна, – у нас появился один клиент. Он не из нашего города, но наши партнёры, зная о разнообразии оказываемых моим агентством услуг, порекомендовали ему, обратится к нам. Там ситуация следующая, у этого господина, не так давно умерла любимая жена. Он страшно подавлен, переживает, обращается

ко всяким экстрасенсам и тому подобным шарлатанам, надеясь, что они помогут ему установить контакт, хотя бы с духом, ушедшей супруги. Но, все попытки тщетны. И поэтому, знающие люди, посоветовали ему обратиться к нам.

«Вы-то, чем можете помочь несчастному мужику?» – мысленно спросила Вероника, но конечно вслух ничего подобного не произнесла. И продолжала внимать красноречию руководителя.

Вероника обратила внимание, что сегодня Дарина Дормидонтовна разговаривает совершенно не так как в прошлый раз, сегодня её фразы гораздо более «причёсаны», а речевые конструкции выверены до мелочей, видимо, это был профессиональный стиль общения, которым она пользуется на переговорах с клиентами.

– Завтра состоится первый сеанс, – сказала Дарина.

– Вы проводите спиритические сеансы? – наконец задала вопрос Кира-Вероника.

– Не совсем спиритические. Это, скорее, реконструкция спиритического сеанса. Наша задача, обязательно человеку помочь. Мы не можем рассчитывать на какие-то внешние, неизвестные нам составляющие. Мы должны оказать услугу, которую от нас ждёт наш клиент. Это понятно?

– Пока не очень, – честно призналась Вероника.

– А, что тут не понятного? Мы приглашаем человека на сеанс, всё обставлено, как традиционный спиритический сеанс: полумрак, свечи, вся необходимая атрибутика. Только вместо духа появляется женщина, как две капли воды похожая на его жену. Образ присутствует несколько секунд и исчезает. Человек счастлив. Результат достигнут.

– Но, ведь это же обман, – не смогла сдержаться Вероника.

– Обман, – миролюбиво согласилась Дарина, – но обман во благо несчастного человека. Он получает то, к чему стремился. Мы, честно заработанный, неплохой гонорар.

«Честно заработанный» в этом контексте звучало довольно цинично, но Кира Зерникина заострять внимание на таких «мелочах» права не имела и, естественно, промолчала.

– Ты понимаешь, что поскольку ты так уникально похожа на его покойную жену, в её образе выступишь ты.

Кира-Вероника кивнула:

– Не знаю только, получится ли у меня. Я же не актриса.

– Первый сеанс будет очень коротким. И потом ты на неё уникально похожа, и рост, и комплекция, и черты лица. А потом, мы в целях безопасности решили этот сеанс не в городе проводить, а сняли дом за тридцать километров отсюда, завтра днём туда поедете, а к вечеру и клиент подтянется. Сейчас иди, тебе покажут видео, там снята дама, которую тебе предстоит изобразить, а потом костюм померяй. Сейчас Катерину позову, она тебя везде проводит.

Начальница вызвала некую Катерину, сказала, что Катя работает непосредственно с этим клиентом, и Кира поступает под её начало и со всеми нюансами она её ознакомит.

«Что воля, что неволя, всё равно... Катерина, так Катерина», – решила Кира-Вероника, отправляясь вслед за Катей, смотреть видео – досье своей новой героини.

– Ты главное не тушуйся, – подбадривала Катя, – первый раз всегда страшно, но всё это ерунда. Тебе же только на минутку появиться надо, постоять и красиво свалить. Там всё в полумраке, ребята дымку подпустят. Красота! Тебе наверняка понравится.

– А вдруг, он заметит, что это всё театрализованное представление? – изображала волнение Кира.

– Да не заметит он ничего, – обещала Катя, – ты бы видела его, такой лох! Да ещё весь в растрёпанных чувствах. А потом, ты жутко на неё похожа. А в этом кудрявом парике, который тебе девки подобрали, вообще не отличишь. Говорить ничего не нужно, даже строго запре-

щено. Постоишь, отрешенно посмотришь вдаль и растворишься. Всё просто. Так что не бойсь, прорвёмся!

– Ну, может быть, – протянула Кира-Вероника.

– Не может быть, а совершенно точно, – подбодрила Катя, – завтра в восемь утра приходишь в офис, и половина девятого выезжаем, а ребята уже со вчерашнего дня там всё подготавливают, – и напутствовала, – смотри не проспай.

– Не просплю, – заверила Кира.

Ничего более необычного в жизни Вероники Галактионовой ещё не было. Да и в этот раз было не в её жизни, а скорее в жизни её героини Киры Зерникиной, летописцем, чьей судьбы, волею случая стала сама Вероника.

Ровно в назначенный час, Кира в сопровождении Катерины и какого-то дядьки, то ли водителя, то ли охранника, то ли человека совмещавшего эти две ипостаси, села в машину и отправилась на своё первое «дело», как она мысленно окрестила свою нынешнюю сферу деятельности. Тридцать километров по почти пустой дороге пролетели мгновенно. Машина лихо съехала с шоссе и поехала уже не так резво, а скорее просто поплелась по грязной, размытой, какой-то почти заброшенной бетонке, сделала несколько поворотов и, наконец, въехала в покосившиеся ворота.

– Ну, вот почти приехали, – обрадовалась Катерина. – Хорошее я местечко нашла?

– Чего же тут хорошего, – буркнул водитель, – чуть колеса в этой грязюке не оставили.

– Да, дорожка не очень, – согласилась Катя, – зато красота какая. И домик, вон он направо. Смотрите, какой прикольный, прямо избушка Бабки Ёжки.

– Мрачноватое место, – поёжилась Кира-Вероника.

– Клёвое! – подхватила Катя, – а к вечеру, когда наш клиент приедет, совсем жутко будет.

Катя скроила страшную «рожу» и расхохоталась. Веронике стало неприятно, «на чужом горе деньги делают, да ещё и глумятся», – но сразу осадилась, – «не должна Кира Зерникина – подруга Джина никого осуждать, гораздо больше будет пользы, если она сумеет втереться в доверие к этим людям и стать им, по возможности, своей».

– А, что здесь раньше было? – спросила Вероника, разглядывая покосившиеся, старые домишки.

– Турбаза была, а потом в девяностые годы прошлого века всё развалилось. Почему-то ни у кого руки не дошли тут всё прихватизировать. У наших местных олигархов своя территория имеется, побольше и покруче этой. А эти «красоты» никому не нужны. Так и разваливается здесь всё потихоньку. А я умница – красавица вспомнила про это место и сегодня у нас здесь премьера. Тут вообще шикарно развернуться можно. И глаз случайных нет. Ну, пойдём, место работы посмотришь и на грим девчата часа три просили.

Кира с Катериной осматривали помещение, где был запланирован сеанс. Догадаться, что это когда-то была обычная комната, где проживали среднестатистические советские туристы, было просто невозможно. Представить, что здесь общались, веселились, пили чай, а может и не только чай, но что-то обязательно пили, пели песни под гитару, отсюда уходили в походы, а потом возвращались и делились впечатлениями. Предположить всё это, даже человеку с фантазией, было сложно. Дошатаые стены были затянуты черной тканью, снизу подсвечены не яркими красными светильниками. Сами приборы были задрапированы, и создавалось жутковатое впечатление, что красный свет льётся прямо из стены. Потолок был тоже черным и периодически озарялся ультрафиолетовыми всполохами, казалось, что сверкает молния.

– Круто! – оценила Катерина работу коллег, – впечатляет прямо! Скажи?!

– Жуткое зрелище, крематорий какой-то!

– Так то, что нужно.

– Ты молодец, Кирка, – восхитилась Катя, дебютом новой коллеги, когда девушки после «работы» садились в машину. – Что наша змеюка...

«Змеюка – это она, по всей видимости, о начальнице – дражайшей Дарине Дормидонтовне», – мысленно усмехнулась Кира.

– ... говорила, что ты учительница, – продолжала Катя, – какая учительница, ты настоящая, заправская артистка. Вышла, как приведение, безразличная, глаза стеклянные, как будто и правда с того света явилась. Даже я уж много всего повидала и то, офигела. А уж наш вдовец безутешный, когда тебя увидел, аж дёрнулся, хотел бежать тебе навстречу. Хорошо мальчишки его попридержали, и на место усадили.

– Там и придерживать особо не пришлось, – подал голос водитель – охранник, – он и так обмяк моментом, слабак.

«Господи, – думала Вероника, – как же это всё отвратительно, даже слушать невозможно. У человека горе, ему посочувствовать, а они глумятся, уроды. Ведь этот несчастный мужик не один, так называемых клиентов, у них много. Скорее бы уж всю эту шайку прищучили». Хорошо, что подобные мысли не отразились на лице Вероники, она мило улыбнулась Кате и скромно сказала:

– Что-то ты меня совсем захвалила.

– Ну, правда, здорово, – вновь восхитилась Катерина, – завтра Дарине доложу, как ты отлично отработала.

– Спасибо, – ещё раз улыбнулась Кира-Вероника.

Обратная дорога показалась ей гораздо длиннее, чем путешествие «на выступление», то ли потому, что она устала, то ли потому, что Катя и её коллега, а скорее всего, как показалось Веронике и бой-френд, вызывали у неё ощущение гадливости, хотелось скорее от них избавиться, добраться до дома и принять душ. Но парочка совершенно не собиралась расставаться со своей новой подругой.

– Кирка, а поехали к нам, – пригласила Катя, – посидим, пивка попьем. Мы со Стасиком любим вечером, стресс снимать.

– Во, точно, поехали! – обрадовался гостеприимный Стасик, – поедем, Катюня вчера такой классный борщ сварила!

– Спасибо, ребята, – стала отнекиваться Кира, – но я, если можно, домой. Устала ужасно и переволновалась. Спать смертельно хочется.

– Нельзя, – заржал бой-френд Стасик, – нежная какая, устала она. Обидеть хочешь?

– Ладно, не приставай к ней, – вступилась за Киру Катя, – она и впрямь сегодня хлебнула, сейчас отвезём её домой, пусть отдыхает. А сами оторвёмся, – кокетливо прищурилась, – нам вдвоём плохо, что ли? – парень расплылся в улыбке, а Катерина подмигнула Кире, дескать «во, как мужика моментально на место поставила».

Захлопнув дверь своего нового жилища, Вероника опростельно бросилась в ванну, немедленно смывать скверну сегодняшнего дня. А после довольно продолжительных водных процедур, с не меньшим рвением взялась за отчет, который в этот раз получился более интересным и информативным.

Отчёте были «голые» факты: что, кто, где, какие происходили события. Конечно, в деловом документе, никакой лирики быть не должно, но очень хотелось, изложить всё подробно, как она сама определяла «не от ума, а от сердца». Это «от сердца» не давало покоя, и отправив отчёт, Вероника взялась за очерк и уж тут она сумела изложить всё наблевшее за этот не простой день, так как требовало это самое сердце и законы жанра.

В своём рассказе она уделила особое место человеку, который в результате произошедшего в его жизни несчастья, потерял точку опоры и теперь пытался её обрести с помощью не самых порядочных, а скорее, совсем непорядочных циничных людей, которыми были сотрудники многопрофильного агентства, где теперь трудилась Кира Зерникина. И уж кого-кого, а своих новых «коллег» Кира-Вероника ни капли не пощадила. Рассказала, сколько было потрачено сил, средств и выдумки, чтобы облапошить одного несчастного мужика. Предположила, что если бы агентство боролось за топ-десять среди лучших event компаний страны, оно наверняка стояло бы на верхних ступенях рейтинга. Но, творческий потенциал был брошен в совсем не созидательное русло и справедливый финал не заставит себя ждать.

Когда Вероника закончила работу и осталась в общем довольна, написанным материалом, очень захотелось кому-то продемонстрировать своё творение. Но продемонстрировать было некому, вернее делать это было категорически нельзя. Обычно, такие совсем свежие наброски, она показывала верному другу Ване Чеснокову, с которым они обычно демонстрировали друг другу свои творческие удачи, но сейчас ничего подобного Вероника позволить себе не могла. Поэтому, ещё раз прочитала материал, внесла необходимые коррективы, выключила компьютер и завалилась спать.

Глава 12. Разбор полётов в превосходной форме

– Ты молодец, Кира, я даже не ожидала, что человек совершенно не знакомый с нашей спецификой, так быстро впишется в процесс. Я бы ещё могла понять, если бы ты была артисткой, или хотя бы имела театральное образование, а тут просто талант. Наши все от тебя без ума, говорят: и работать с тобой одно удовольствие, и говоришь не много, и на гриме не капризничаешь. Катерина тебя хвалит, все уши мне прожужжала, а от неё дожидаться похвалы непросто. Держи, заслужила, – Дарина завершила хвалебную речь и протянула конверт. Кира-Вероника вопросительно смотрела на неё, – зарплата, – пояснила начальница, – или ты думала, что мы здесь из любви к искусству?

– Нет, не думала, – честно ответила новая сотрудница, – просто не ожидала, что так быстро.

– Когда хороший проект – всё быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.